

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский

Появление «Современника» в преобразованном виде, под новою редакцию, {1} возбудило, как и следовало ожидать, много толков и шуму в разных литературных кругах и кружках, великолепно величающих себя «партиями». Особенное внимание обращено было ими на многие статьи по отделу словесности, как, например: «Кто виноват?», «Обыкновенная история», «Записки охотника». Но до сих пор эти суждения о «Современнике» ограничивались короткими и отрывочными отзывами, иногда похвальными, чаще порицательными, мелкими нападками врассыпную. А вот теперь, во второй части «Москвитянина», вышедшей в сентябре нынешнего года, является большая статья, под названием: «О мнениях «Современника», исторических и литературных».

Если бы тут дело шло только о «Современнике», мы не видели бы никакой необходимости отвечать на эту статью. Одним журнал наш может нравиться, другим не нравиться; это дело личного вкуса, в которое нам всего менее следует вмешиваться. Но статья «Москвитянина» о «Современнике» касается основных начал (принципов) не одного «Современника», но всей русской литературы настоящего времени. Таким образом, спор или полемика теряет тут свое личное значение и переходит в борьбу за идеи. В таком случае молчание с нашей стороны не без основания могло бы быть принято всеми за тайное и невольное согласие с нашими противниками. Вот почему мы считаем себя обязанными возразить на статью «Москвитянина».

В ней рассмотрены три статьи, помещенные в первой книжке «Современника» за нынешний год: «Взгляд на юридический быт древней России» г. Кавелина; «О современном направлении русской литературы» г. Никитенко и «Взгляд на русскую литературу 1846 года» г. Белинского. Статью г. Кавелина критик «Москвитянина» силится уничтожить, выказывая ее будто бы противоречия и опровергая ее основные положения своими собственными; но самого г. Кавелина он оставляет без всякой оценки или критики. Приступая же к разбору статей гг. Никитенко и Белинского, он счел за нужное представить, в легких, но резких очерках, литературную характеристику их авторов. И достается же им от него! Впрочем, строго судя г. Никитенко, критик «Москвитянина» еще помнит русскую пословицу: «Где гнев, тут и милость»; но к г. Белинскому он беспощадно строг; он вышел против него с решительным намерением уничтожить его дотла, с знаменем, на котором огненными буквами написано: pas de grace! [1] В своем месте мы остановимся на этом посполитом рушении чужой литературной известности и обнаружим ее тайные причины и побуждения; а теперь начнем разбор статьи нашего грозного аристарха с самого ее начала. Грозен он – нечего сказать; но страшен сон, да милостив бог, а мы не из робкого десятка... Критика была бы, конечно, ужасным оружием для всякого, если бы, к счастью, она сама не подлежала – критике же...

Так как г. Кавелин, статья которого отдельно и с особенной подробностью разобрана критиком «Москвитянина», решил сам отвечать ему, то ответ «Современника» «Москвитянину» будет состоять из двух статей. {2} Что же касается до г. Никитенко, он и на этот раз остается верным своему «независимому положению в нашей литературе», как выразился о нем критик «Москвитянина», и предоставляет нам ответить за него, в той мере, в какой нужно это для защиты «Современника».

В начале статьи «Москвитянина», в виде интродукции, говорится довольно темно, какими-то намеками, о каком-то «литературном споре между Москвою и Петербургом и о необходимости этого спора»; о том, что «петербургские журналы встретили московское направление с насмешками и самодовольным пренебрежением, придумали для последователей его (то есть московского направления) название староверов и славянофилов, показавшееся им почему-то очень забавным, подтрунивали над мурломками», и что, «принявши раз этот тон, им было трудно переменить его и сознаться в легкомыслии». В доказательство указывается на «Отечественные записки», которые в особенности погрешили тем, что «так называемым славянофилам приписывали то, чего они никогда не говорили и не думали». В свидетели всего этого призываются «московские ученые, не разделяющие образа мыслей московского направления». Потом отдается должная справедливость «Отечественным запискам» в том, что «к концу прошлого года и в нынешнем, они значительно переменяли тон и стали добросовестнее всматриваться в тот образ мыслей, которого прежде не удостаивали серьезного взгляда». Вслед за тем читаем следующие строки, которые

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
выписываем вполне: «В это самое время от них («Отечественных записок») отошли некоторые из постоянных их сотрудников и основали новый журнал. От них, разумеется, нельзя было ожидать направления по существу своему нового; но можно и должно было ожидать лучшего, достойнейшего выражения того же направления; всего отраднее было то, что редакцию принял на себя человек, умевший сохранить независимое положение в нашей литературе и не написавший ни одной строки под влиянием страсти или раздраженного самолюбия; {3} наконец, в новом журнале должны были участвовать лица, издавна живущие в Москве, хорошо знакомые с образом мыслей другой литературной партии и с ее последователями, проводившие с ними несколько лет в постоянных сношениях и узнавшие их без посредства журнальных статей и сплетен, развозимых заезжими посетителями».

Но – увы! – ожидания «Москвитянина», или его критика, г. М... З... К...! не сбылись! «Скажем откровенно (говорит он): первый номер «Современника» не оправдал нашего ожидания. Может быть, мы и ошибаемся, {4} но, по нашему мнению, новый журнал подлежит трем важным обвинениям: во-первых, в отсутствии единства направления и согласия с самим собою; во-вторых, в односторонности и тесноте своего образа мыслей; в-третьих, в искажении образа мыслей противников».

Остановимся на этом. Увертюра разыграна мастерски и вполне подготовила к впечатлению самой оперы; остается только слушать, восхищаться и аплодировать. Явно, что из трех важных обвинений, взводимых критиком «Москвитянина» на «Современник», в его глазах истинно важно только то, которое он не без умысла поставил последним, как менее других важное. С первых же строк статьи видно, что тут дело собственно не о «Современнике»;

Но умысел другой тут был:

Хозяин музыку любил. {5} Что такое «московское направление», загадочную речь о котором начинается статья? Разумеется, так называемое славянофильство. Очевидно, что автор статьи – славянофил. Но он не хочет этого названия; он говорит, что его партию окрестили им петербургские журналы. Из этого видно, что он сам чувствует все смешное, заключающееся в этом слове, но он не чувствует, что слово может быть смешно не само собою, а заключенным в нем понятием и что переменить название вещи не значит изменить самую вещь. Петербургские журналы не сговаривались давать название славянофилов литераторам известного образа мыслей; вероятно, они или подслушали его у самих этих литераторов, или извлекли из сущности их учения, альфа и омега которого суть славяне, враждебно и торжественно противопоставляемые гниющему Западу. На свете много охотников называть своих противников смешными или не смешными именами. Это же и не мудрено; но мудрено дать кому-либо такое название, которое бы принято было всеми. Такие удачные названия редко выдумываются кем-нибудь, но принадлежат всем, и никому в особенности. Таково и название славянофилов. Но пусть славянофилы не будут больше славянофилами; нам это все равно: мы не видим важного вопроса не только в названии славянофилов, но даже и в сущности их учения. Итак, пусть они из славянофилов переименуются во что им угодно, но только не в «московское направление»: этого не может допустить здравый смысл.

Во-первых, выражение «московское направление» неловко и неудобно для обозначения литературной партии: как называть людей «направлением»? А во-вторых, – и это главное – почему славянофильство именно московское направление? Мы понимаем, что господам славянофилам, живущим в Москве, очень лестно прикрыться именем такого важного в России города, как Москва, и завербовать в свои ряды всех москвичей поголовно; но лестно ли это будет для Москвы и москвичей – вот вопрос! И что на это скажут, с одной стороны, те московские ученые, которые, по словам самого критика «Москвитянина», не разделяют образа мыслей «московского направления», но хорошее ним знакомы; а с другой стороны, лица, которые разделяют этот образ мыслей, но живут и пишут в Петербурге?.. Нам кажется, что славянофильству чуть ли не более следует название петербургского направления, чем московского. По крайней мере, сколько мы знаем славянофильство, оно совсем не так ново на Руси, как, может быть, думают сами последователи этого учения. Кому неизвестно, что успехи Карамзина в преобразовании русского литературного языка вызвали, в начале нынешнего столетия, партию, которая, вооружаясь против его нововведений, думала отстаивать от иноземного влияния родной язык и добрые праотческие нравы! Как вы думаете, не сродни ли эта партия нынешним славянофилам? {6} Вот несколько стихов на выдержку из послания Василия Пушкина к Жуковскому, пьесы, по которой можно, до известной степени, судить о живости и характере борьбы двух партий нашей литературы того времени:

.

В чем уверяют нас Паскаль и Боссюэт,
В Синописе того, в Степенной книге нет,
Отечество люблю, язык я русский знаю;
Но Тредьяковского с Расином не равняю, –
И Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Баян в свой век героев воспевал.
Я прав, и ты со мной, конечно, в том согласен;
Но правду говорить безумцам – труд напрасен.
Я вижу весь собор безграмотных Славян,
Которыми здесь вкус к изящному погран,
Против меня теперь рыкающий ужасно.
К дружине вопиет наш Балдус велегласно:
«О братие мои, зову на помощь вас!
Ударим на него – и первый буду аз.
Кто нам грамматике советует учиться,
Во тьму кромешную, в геенну погрузится;
И еще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш долг, о людие, злодея истребить».

Итак, любезный друг, я смело в бой вступаю;
В словесности раскол, как должно, осуждаю.
Арист душою добр, но автор он дурной,
И нам от книг его нет пользы никакой.
В странице каждой он слог древний выхваляет
И русским всем словам прямой источник знает:
Что нужды? Толстый том, где зависть лишь видна,
Не есть лагарпов курс, а пагуба одна.
В славянском языке и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский гоню и ненавижу.
В душе своей ношу к изящному любовь;
Творенье без идей мою волнует кровь.

Слов много затвердить не есть еще ученье:

Нам нужны не слова, нам нужно просвещение. {7}

Видите ли: и здесь уже люди, объявившие себя против европейского образования, названы славянами: а далеко ли от славян до славянофилов? Правда, с обеих сторон здесь спор чисто литературный, потому что другого тогда и не могло быть; и разумеется, славянофильская партия нашего времени двинулась дальше своей прародительницы. А где было гнездо этой старой славянской партии? – в Петербурге. Послание, из которого мы выписали несколько стихов, написано было в Москве – центре литературной реформы того времени. В последнее время славянофильство, как новое направление, резко и решительно провозгласило себя в московском журнале «Москвитянине»; но и тут оно упреждено было в Петербурге: издание «Маяка» началось годом ранее «Москвитянина». Многие славянофилы не любят вспоминать о «Маяке», как будто чуждаются его, никогда не высказывают своего мнения ни за, ни против него; подумаешь, что они и не знают ничего о существовании подобного журнала. А это оттого, что «Маяк» был самым крайним и самым последовательным органом славянофильства. Верный своему принципу, исходному пункту своего учения, он никогда не противоречил ему и логически дошел до крайних, до последних своих результатов. Он не признавал ни тени истины во всем, что хоть сколько-нибудь противоречило его основному убеждению; и если знаменитейших представителей русской литературы, от Ломоносова и Державина до Пушкина, он объявил зараженными западною ересью, вредными и опасными для нравственной чистоты русского общества, – он сделал это не по чему другому, как по строгой последовательности, строгой верности началу своего учения. В нем все было едино и цело, все сообразно с его направлением и целью: и язык, и манера выражаться, и литературное и художественное достоинство его стихов и прозы. Он больше славянофил, чем «Москвитянин», и потому имел полное право смотреть на него, как на противоречивого, непоследовательного органа того учения, которое во всей чистоте своей явилось только в нем, пресловутом «Маяке». Но этим самым, разумеется, он оказал очень дурную услугу славянофильству, потому что выставил его на позорище света в его истинном, настоящем виде; а известно, что есть предметы, которые стоит только выказать в их действительном значении и образе, чтобы уронить их, хотя это делается иногда и с целью, напротив, поднять и возвысить их в глазах общества.

Как бы то ни было, но из всего сказанного нами неоспоримо следует, что называть славянофильство «московским направлением» отнюдь не следует, потому что Петербургу славянофильство принадлежит не только не меньше, но чуть ли еще не

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru больше, чем Москве. Отстранивши от Москвы так не впопад навязываемое ей московскими славянофилами исключительное право на славянофильство, мы действуем в ее пользу, а не против ее. Но точно так же мы не согласились бы называть славянофильство и «петербургским направлением». Только тогда можно означить какое-нибудь направление именем города, когда оно действительно есть главное, исключительное направление этого города, а все другие, существующие в нем направления, являются на втором и третьем плане, слабы, незначительны, ничтожны. Но по поводу славянофильства этого нельзя сказать ни о Петербурге, ни о Москве. В том и другом городе жили и действовали знаменитейшие представители нашей литературы, имевшие решительное и важное влияние и на литературу и на образование общества, – и они-то, между тем, нисколько не принадлежат к славянофилам. Мы знаем, что гг. московские славянофилы могут указать нам с торжеством по крайней мере на два знаменитые в литературе имени, как такие, которые, если бы и не принадлежали им вполне, то более или менее симпатизируют с ними – особенно на имя Гоголя, после издания его «Переписки с друзьями». Но это ровно ничего не доказывало бы в их пользу, потому что великое значение Гоголя в русской литературе основывается вовсе не на этой «Переписке», а на его прежних творениях, положительно и резко антиславянофильских. И потому гг. московские славянофилы были бы вполне верны своей точке зрения, если бы восхищались только «Перепискою», а на все другие произведения Гоголя смотрели бы косо. Но они и их приняли под свое высокое покровительство, вероятно, ради будущих, новых его произведений, которых характер заранее определяется в их глазах «Перепискою». «Маяк» никогда не обнаружил бы такой непоследовательности: если б он здравствовал доселе, вероятно, он расхвалил бы «Переписку» и простил бы за нее Гоголю его прежние произведения, но только простил бы, не отрицая настоятельной необходимости для них очистительного ауто-да-фе.

Что касается до массы русских литераторов, прежних «и теперешних, старых и молодых, они избирают местом своего жительства Петербург или Москву по разным обстоятельствам их жизни, не всегда зависящим от их воли, и уж, конечно, всего менее по уважению к тому образу мыслей, который разделяют. И потому отвести для славянофилов город Москву, а для литераторов противоположного направления – город Петербург может войти в голову только квартирмейстерам особого, исключительного рода. Как в Петербурге много славянофилов, так точно в Москве много не-славянофилов, и наоборот. Критик «Москвитянина» указывает на Петербург как на местопребывание противоположной «московскому направлению» партии, и сам же говорит, что в Москве есть ученые, не разделяющие этого направления, и отзывается о них с уважением. {8} Странное дело: почему же направление славянофилов, живущих в Москве, «московское», а направление этих ученых, тоже живущих в Москве, да еще издавна, по словам критика «Москвитянина», не-московское?.. В этом видно притязание на первенство значения, высокое уважение к своему славянофильскому значению в ущерб всякому другому значению. Мы так думаем, что право на первенство, в этом случае, может дать только преимущество таланта, а не отношение к той или другой партии... Что же ввело в заблуждение критика «Москвитянина» и заставило его выдумать «московское направление»? Неужели то обстоятельство, совершенно внешнее и случайное» что в Петербурге мало журналов, но все же есть их несколько и некоторые из них направления славянофильского, другие – не имеют ничего общего с славянофильством; а в Москве всего на все один журнал, и он славянофильский? И что поэтому московские ученые и литераторы, не принадлежащие к славянофильской партии, помещают свои труды в петербургских журналах? Нет, это не то! Тут скрываются более важные причины. Господам славянофилам нужно, необходимо, волею или неволею, навязать Москве славянофильство. По их мнению, это учение одно истинно русское, национальное, а Москва – представительница и хранительница русской народности. Итак, очевидно – что-нибудь одно из двух: или славянофильство – направление ложное, или оно московское... Москва вишь виновата! И потому, говоря так много о выражении «московское направление», мы не привязались к мелочи, а обратили особенное внимание на один из важнейших спорных пунктов славянофильства... Читатели уже видят, как крепко и прочен этот спорный пункт; но мы покажем это еще больше, обратившись к другим таким же точкам опоры направления, претендующего на звание «московского»...

Таким же точно образом, как не признаем мы этого названия, не признаем мы существования спора между Москвою и Петербургом. Правда, бывали прежде и бывают теперь споры между московскими и петербургскими литераторами, но так же точно, как и споры московских с московскими же и петербургских с петербургскими же литераторами; но ни Москва с Петербургом, ни Петербург с Москвою никогда и не думали спорить. Да из чего же бы им и спорить? Было время, когда Москва спорила

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

с Тверью и Рязанью, но на то были свои исторические причины, которых теперь не существует, и время это давно прошло. Петербург и Москва – оба принадлежат России и равно дороги, важны и необходимы как ей, так и друг другу. Петербург может похвалиться перед Москвою такими хорошими сторонами, каких в ней нет, и отсутствием таких недостатков, которые в ней есть; Москва, в свою очередь, может, на достаточном основании, сделать то же самое в отношении к Петербургу. Но именно то, что, кроме общих им выгодных сторон, каждый из них имеет еще свои собственные, – это-то, самое и делает их и необходимыми и полезными друг другу и должно соединять их, вместо того чтобы разделять. Подобное отношение должно быть источником не споров, а взаимного друг на друга полезного влияния. Петербург – резиденция правительства и, в административном смысле, центральный город России, хотя и стоит на одной из ее оконечностей; Петербург – окно в Европу, посредник между Европою и Россиею. Такой роли не мог бы играть город с иностранным народонаселением, как, например, Ревель или Рига, хотя бы это был и столько же огромный, как Петербург, город. Москва – центральный город России, по географическому положению. Вся северо-восточная, восточная и южная Россия и с самим Петербургом сносится через Москву. Сверх того, Москва – город по преимуществу промышленный, торговый и, по своему университету, старейшему из русских университетов, город науки. При этом не должно упускать из виду, что Москва есть город древний, исторический, город предания, предводительница народного духа. Петербург, напротив, город новый, построенный на завоеванной земле, торговая колония, разросшаяся в столицу; его почва чужда преданий; он кипит народонаселением, преимущественно наносным, приплывающим к нему из всех концов России, большею частию чисто русским, меньшею частию обруселым иностранным. Это последнее никогда не может дать ему иностранного характера, уже по одному тому, что оно состоит из людей разных наций и вероисповеданий, и потому не представляет собою сплошной массы, которая бы могла контро-балансировать с массою русского народонаселения Петербурга. Находясь под влиянием русских законов и тем более чувствуя нравственный перевес над собою массы русского народонаселения, эти иностранцы скоро делаются почти русскими, дети же их – совершенно русские, а между тем в торговле, в ремеслах, в формах жизни они приносят с собою новые, необходимые нам элементы. Благодаря морю и пароходству Петербург отделен от Европы только тремя сутками пути, а благодаря железным дорогам, без перерыва идущим теперь от Штетина до Гавра, он ближе всех других русских городов и к Парижу и к Лондону. Через Петербург передаются России все новейшие изобретения, сделанные в Европе, по части наук, искусств, мануфактур, ремесел. Таким образом, без Петербурга Москва представляла бы только крайность народного начала, не оживляемого и не умеряемого элементами европейской жизни; а Петербург без Москвы имел бы на провинцию более административное, нежели живое нравственное и социальное влияние; потому что если Петербург есть посредник между Европою и Россиею, то Москва есть посредник между Петербургом и Россиею. Называя Петербург посредником между Европою и Россиею, мы не думаем этим сказать, что, только живя в нем, можно следить за успехами наук и искусств в Европе. Напротив, это можно делать, живя не только в Москве, но и в Тамбове, и в Саратове. Но подобное наблюдение успехов ума человеческого в Европе, вне Петербурга, возможно только для отдельных лиц, а не для масс. Можно, например, и живя в Москве, знать лучший способ кладки камней и кирпичей при строении зданий; но, говорят, при постройке кремлевского дворца и храма Спасителя в Москву было привезено из Петербурга несколько работников для научения московских мастеров надлежащему способу класть кирпич при выводе стен. Без сомнения, московские архитекторы знали, как кладется в Европе камень и кирпич; а в Петербурге мастеровые, не заботясь об Европе, умели класть кирпич, как кладут его там.

Этот простой и ничтожный, невидимому, факт показывает, какое влияние имеет Петербург, по своей близости к Европе, не на одни избранные личности, но на самую жизнь России. Его роль чисто практическая; его влияние надо искать не в одних книгах, но в нравах, в образе жизни. Его замечательнейшие учебные заведения – специальные, преимущественно технические.

Естественно, что между Петербургом и Москвою должны быть существенные различия, которые должны отразиться и в литературе разностию точек воззрения на одни и те же предметы. Из этого мог бы возникнуть даже спор, о котором говорит критик «Москвитянина». Но этого спора доселе не было, хотя и бывали споры между петербургскими и московскими литераторами. Может быть, это происходит от сильного и быстрого влияния друг на друга обоих городов. Например, было время, когда московские литераторы (разумеется некоторые) упрекали петербургских за то, что те берут деньги за свои труды, а не пишут из одной любви к литературе, и еще

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
за то, что их журналистика отличается не направлением, не идеями, а только аккуратным, своевременным выходом книжек. Если хотите, в этом факте выразилось, более или менее, различие обоих городов; но надолго ли? Еще не успел прекратиться этот спор на перьях, как причины его уже и не существовало: в Петербурге явились журналы и с направлением и с идеями, да вдобавок и с аккуратным, своевременным выходом книжек; а в Москве так же, как и в Петербурге, стали брать деньги за литературные труды, и безденежные литературные предприятия сделались невозможны; но от этого в Москве не перевелись люди с убеждениями и идеями. В сущности же весь этот спор вышел больше из того, что одних литераторов приписали к Петербургу, других – к Москве, и по ним судили о том и другом городе. Так, например, московские журналисты, в своей полемической войне с Петербургом, имели в виду преимущественно гг. Греча, Булгарина и Воейкова и как будто забывали, что, кроме их, в Петербурге жили Крылов, Гнедич, Жуковский, Пушкин, потом Гоголь – писатели, которых, конечно, нельзя было обвинять в отсутствии направления. Пушкин с самого появления на литературное поприще продавал книгопродавцам свои сочинения за неслыханные до него цены, а между тем он не был тогда журналистом; в его поэзии не выражалось ни петербургского, ни московского направления: живя в Петербурге, он, как поэт, по своему таланту, по духу, содержанию и форме своих произведений, принадлежал не Петербургу, не Москве только, а целой России. В последнее время возникла полемика по поводу славянофильства, но это отнюдь не было спором между Петербургом и Москвою. Ссылаемся на те самые «Отечественные записки», о которых говорит, в начале статьи своей, критик «Москвитянина»: он найдет там возражения и отповеди не одному «Москвитянину» или «Московскому сборнику», но и «Маяку». Сверх того, статьи против «Москвитянина» и «Московского сборника» писаны там не одними петербургскими литераторами, но и московскими; так, например, в нынешнем году напечатана там была статья московского профессора г. Грановского, в опровержение статьи г. Хомякова, помещенной в «Московском сборнике» на 1847 год; в возникшем затем споре возражения г. Хомякова печатались в «Московском городском листке», а возражения г. Грановского в «Московских ведомостях». {9} Где ж тут спор Петербурга с Москвою! Тут столько же спор Петербурга с Петербургом и Москвы с Москвою, сколько и Петербурга с Москвою. Нет, как ни хлопочите, а никак не удастся вам обыкновенные литературные споры превратить в какую-то борьбу двух городов, и еще менее успеете вы смешать с Москвою какой-нибудь литературный кружок. Москва велика, и как ни надувайтесь, а все с нее не будете ростом, только повредите вашему здоровью и будете смешны...

Бывали когда-то в некоторых петербургских журналах насмешки над Москвою, а в московских что-то вроде не совсем приятных выходок против Петербурга. Но подобный спор мог быть только плодом юношеского, незрелого состояния нашей литературы и нашей общественной образованности. Теперь, слава богу, по крайней мере в петербургских журналах вовсе вышли из употребления наезднические возгласы против Москвы, и в патетическом и в ироническом духе. Со стороны московских литераторов (по крайней мере можно смело поручиться за тех, которые не разделяют так называемого «московского направления») тоже не видно никаких предубеждений против Петербурга. Все совершеннолетние давно уже предоставили подобные споры о превосходстве одной столицы перед другою детям, юношам и энтузиастам. И хорошо сделали, потому что в таких спорах играли главную роль не Москва и Петербург, а маленькое самолюбие спорщиков: каждый хотел возвысить украшенный его присутствием город насчет другого... Там же, где к самолюбию примешивался фанатизм теорий, не видно было ни малейшего знания ни того города, который превозносился, ни того, который приносился ему в жертву. Короче, это был спор детский, ребяческий. Петербургские журналы действительно подтрунивали над мурмошками, а московские журналы точно не подтрунивали над ними; но это не потому, чтоб мурмошки были смешны только в Петербурге, в Москве же были бы не смешны, а опять-таки потому только, что в Москве всего на все один журнал, да и тот родственник мурмошкам. А что над ними смеялись петербургские журналы – в этом нет ничего предосудительного для петербургских журналов...

Смеяться, право, не грешно

Над тем, что кажется смешно.

Смех часто бывает великим посредником в деле отличения истины от лжи. Иная мысль или иной поступок совершенно оправдываются логикой; вы не соглашаетесь с их истинностью, но и не находите ничего возразить на доказательства их неоспоримой истинности. Но тут дело решает смех! Так, например, можно видеть и понимать, что вот этот господин–надел мурмошкой по глубокому убеждению, которым он не шутит, которому он благородно приносит в жертву всю жизнь свою, что, он прав с своей точки зрения и защищает мурмошку с жаром, красноречиво, логически и умно; все

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
это можно видеть и понимать – и все-таки смеяться... Можно любить человека, даже уважать его – и вместе с этим смеяться над ним... Тебя зову в свидетели, о знаменитый витязь ламанчский, вечно памятный обожатель несравненной Дульцинеи тобозской! Ты был рыцарь без пятна и страха, краса и честь кавалеров, гроза и трепет злодеев, надежда и отрада угнетенных и страждущих; благородный и великодушный, ты часто являлся мудрецом в речах своих, дышавших возвышенностью мыслей и чувств, ясностью взгляда, здравым смыслом и красноречием; храбрый воин, ты был еще и справедливым, искусным судьей! Вижу и признаю все твои достоинства, удивляюсь им – и все-таки, читая дивную эпопею твоей жизни, от всего сердца смеюсь над тобою до той самой минуты, когда, готовый из этого мира, населенного трактирщиками, волшебниками, злодеями, вассалами, рабами и рыцарями, перейти в другой лучший мир, где вовсе нет всей этой дряни, ты вдруг как бы прозрел и плачущему оруженосцу своему и будущему губернатору завоеванного тобою острова, Санхо-Пансе, сказал, что ты не рыцарь, а помещик... тогда мой смех, то веселый, то грустный, сменяется уже одною беспримесною и глубокою грустью...

Приступая к разбору статьи г. Никитенко, критик «Москвитянина» говорит, что «здесь должно быть обозначено направление журнала, то, к чему он клонит общественное мнение, мерило всех его литературных суждений и оправдание сочувствий». {10} То же видит он и в статье Белинского, вследствие чего основательно требует, чтобы обе эти статьи выражали одно воззрение, были проникнуты одним направлением; а между тем находит в них страшные противоречия. И поэтому мы скажем несколько слов о его взгляде на статью г. Никитенко только в отношении к этим противоречиям.

Критик «Москвитянина» соглашается с г. Никитенко, что наша общественная образованность вообще отличается отсутствием мощных, широко раскрывающихся личностей, зато она расстилается в ширину и глубину, течет спокойнее, тише, как дома, и работает без шума, но работает около самых оснований. Но никак не хочет согласиться с ним насчет той же мысли, только высказанной в приложении к современной русской литературе. Вот слова г. Никитенко:

«Взамен сильных талантов, недостающих нашей современной литературе, в ней, так сказать, отстоялись и улеглись жизненные начала дальнейшего развития и деятельности... В ней есть сознание своей самостоятельности и своего назначения. Она уже сила, организованная правильно, деятельная, живыми отпрысками переплетающаяся с разными общественными нуждами и интересами, не метеор, случайно залетевший из чужой нам сферы на удивление толпы, не вспышка уединенной гениальной мысли, нечаянно проскользнувшая в умах и потрясшая их на минуту новым и неведомым ощущением. В области литературы нашей теперь нет мест особенно замечательных, но есть вся литература».

На это критик «Москвитянина» возражает, что г. Никитенко, кажется, слишком снисходителен к изящной литературе. При этом кстати он вспомнил, что мысль эту читал когда-то в «Отечественных записках»; но там, по его мнению, она была кстати, а у г. Никитенко некстати, потому-де, что г. Никитенко любит искусство ради самого искусства и глубоко понимает его требования, а в этом случае удовлетворяется количеством и легким сбытом произведений взамен качества и внутреннего достоинства. Остановимся на этом. Г. Белинский неоднократно высказывал в «Отечественных записках» ту мысль, что, за исключением Гоголя, пишущего в последнее время мало и редко, в русской литературе теперь нет великих талантов, но зато есть теперь у нас литература. Г. Никитенко, независимо от г. Белинского, в статье своей, помещенной в первой книжке «Современника», по-своему высказал, и может быть, тоже не в первый раз, ту же мысль. Что можно заключить из этого факта касательно единства направления «Современника»? Ничего более, кроме того, что редактор «Современника» сходится с своими сотрудниками в одном из главных пунктов направления его журнала. Но благонамеренному критику «Москвитянина» непременно нужно было во что бы то ни стало найти тут противоречия; но как, несмотря на всю свою готовность к этому, он все-таки не мог найти в словах г. Никитенко противоречия со взглядами г. Белинского, то счел за нужное найти у г. Никитенко противоречие с самим собою... И действительно, в словах редактора «Современника» есть противоречие, но только не с самим собою, а с критиком «Москвитянина». Г. Никитенко видит в новой русской литературе нечто достойное внимания и уважения, а г. М. . З. . К. . видит в ней безобразную массу бездарных и нелепых произведений. Что сказать на это? Ничего более, как посоветывать г. Никитенко, когда он будет что-нибудь писать, посылать программу каждой своей статьи на утверждение решительного и непогрешительного в своих приговорах критика «Москвитянина»: что он у него одобрит, так тому и быть, что

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru забракует, то вон из статьи. Это кажется единственный способ для г. Никитенко избегать мыслей и воззрений неосновательных и ложных... в глазах критика «Москвитянина». – Многие могут найти не совсем согласную с здравым смыслом подобную опеку какого-то замаскировавшегося таинственными буквами неизвестного литературного наездника над известным профессором и литератором, обладающим, по сознанию самого его противника, самобытным взглядом на предметы мысли. Нам самим это кажется так; но г. М. . З. . К. . думает об этом иначе: все, что не согласно с его образом мыслей, он считает решительным вздором. В этом отношении он не менее всех восточных людей верит в «несомненную книгу», только в отличие от них видит эту «несомненную книгу» – в себе.

Было бы слишком утомительно и скучно следить за критиком «Москвитянина» шаг за шагом. Он выписывает из разбираемых им статей целые страницы; разбирая его также подробно, мы должны были бы выписывать и эти выписки и его собственные страницы; и потому постараемся как можно короче изложить сущность дела. В статье своей г. Никитенко нападает местами на недостатки так называемой натуральной школы, состоящие в преувеличении и однообразии предметов. Это его мнение, и он выражает его без резкости, без всякой враждебности к натуральной школе; напротив, в самых его нападках видно, что он уважает и любит ее, и на этом-то основании желает указать ей ее настоящую дорогу. Словом, он признает и талант и достоинство в произведениях натуральной школы, но признает их не безусловно, хвалит основание, но порицает крайности. Во всем этом критик «Москвитянина» увидел страшные противоречия с статьей г. Белинского, лишаящие «Современник» всякого единства мысли и направления. «Одно из двух (говорит он): или журнал не должен иметь своего образа мыслей, и тогда он не журнал – а неизвестно что такое; или он должен иметь его, и тогда не мешает участвующим в нем согласиться предварительно между собою». Здесь мы прежде всего считаем долгом поблагодарить грозного критика за его уважение к нашему журналу, невольно высказавшееся у него самую чрезмерностью требований от «Современника». Прибавим к этому, что его идеал журнала очень верен; но, к несчастью, его существование решительно невозможно при настоящем существовании литературы и общественного образования. В Европе не только каждое известное мнение может сейчас же найти свой орган в журнале, но и каждый из оттенков этого мнения: для этого там всегда найдется достаточное число людей, способных работать по определенному направлению. Но и там едва ли найдется хотя один хороший журнал или одно хорошее обозрение, в котором все до последней строки было бы проникнуто одним направлением. Это возможно вполне только в отношении к политическим или критическим статьям, но не всегда возможно в отношении даже к научным статьям, и решительно невозможно в отношении к произведениям изящной словесности. Ни один журнал не откажется от превосходной статьи, потому только, что она по духу своему не совсем ладит с направлением журнала. В таком случае обыкновенно статья печатается с оговоркой от редакции, а иногда в том же журнале помещается – и возражение на не согласные с направлением журнала места в статье. Что же касается до произведений изящной словесности, на них там вовсе не простираются условия, налагаемые направлением журнала на статьи теоретические. Жорж Санд, например, по своим убеждениям и симпатиям, не имеет ничего общего с людьми, участвующими в «Journal des Debats» или «Revue des deux Mondes», а между тем, вздумай она поместить там свою повесть – возьмут, да еще с какою радостью, не обращая никакого внимания на дух и направление повести. И это очень естественно: кто действительно понимает законы искусства, тот знает, что повестей писать по заказу нельзя и что тут направление и дух должны зависеть только от личности автора. Хороших же поэтов везде немного; стало быть, тут выбор может касаться только достоинства романа или повести, но не направления их.

Что касается до наших журналов, – необходимость иметь известное направление, известный образ мыслей и никогда не противоречить ему начали обнаруживаться только в последнее время. Журналов у нас немного, но все-таки больше, нежели сколько есть у нас людей, способных своими трудами поддерживать журналы. У нас большое счастье для журнала, если он успеет соединить труды нескольких людей и с талантом и с образом мыслей, если не совершенно тождественным, то по крайней мере не расходящимся в главных и общих положениях. Поэтому требовать от журнала, чтобы все его сотрудники были совершенно согласны даже в оттенках главного направления, значит требовать невозможного. Тут не помогут мудрые советы вроде следующего: сперва соберитесь да согласитесь между собою. Искусственным образом нельзя соглашать людей в деле убеждения, и ни один порядочный человек ничего не уступит из своего мнения ради причины, лежащей вне его мнения. Лишь бы журнал имел общий характер, так что с его представлением в уме всякого соединялось бы известное направление: этого для него пока совершенно достаточно, чтоб быть ему

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
хорошим журналом. Разность в оттенках мыслей еще ничего; плохо как «из одного города да не одни вести». Вот, например, как г. М... З... К... отзывается о первой теперь поэтической знаменитости не только во Франции, но и во всей Европе: «Жорж Санд, которого, конечно, не назовут писателем отсталым от века, истощив в прежних своих произведениях все виды страсти, все образы личности, протестующей против общества, в «Консуэло», «Жанне», в «Compagnon du tour de France» [2] изображает красоту и спокойное могущество самопожертвования и самообладания; а в «Чортовой луже» она пленяется мирною простотою семейного быта». Оставляя в стороне приложение, которое критик «Москвитянина» хочет сделать из своего суждения о Жорже Санде, мы заметим только, что в этом суждении видно высокое уважение к таланту знаменитого французского писателя, в чем мы совершенно с ним согласны. Но вот что о том же писателе сказал г. Хомяков, принадлежащий к тому же «московскому направлению», к которому принадлежит и г. М... З... К..., и печатающий свои статьи в тех же изданиях, то есть в «Москвитянине» и «Московском сборнике»: «Впрочем, по мере того, как искусство народное делается менее возможным, так оскудевает и искусство вообще, и Франция по необходимости была страню антихудожественною, то есть не только неспособною производить, но неспособною понимать прекрасное, в какой бы то ни было области искусства. Так, например, в наше время Франция и офранцузившаяся (?) публика встречала с слепым благоговением произведения Жоржа Санда, которые совершенно ничтожны в смысле художественном (какое бы они ни имели значение в отношении движения общественной мысли), и не нашла ни похвал, ни удивления, когда та же Жорж Санд почерпнула из скудного, но уцелевшего источника простого человеческого быта прелестный и почти художественный рассказ «Чортовой лужи», под которым Диккенс и едва ли не сам Гоголь могли бы подписать свои имена». («Московский сборник», 1847, стр. 350–351). Вот это так противоречие! Тут поневоле вспомнишь стих Крылова:

Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?
Чем другим давать совет «предварительно согласиться между собою», не лучше ль было бы прежде самим испытать на деле возможность осуществления такого совета, чтоб не подать повода говорить о себе:

Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова!
Обратимся к противоречиям «Современника». После многих выписок из статьи г. Никитенко критик «Москвитянина» задает нам следующие вопросы: «Но если таков образ мыслей редактора, почему помещена в той же книжке повесть под заглавием: «Родственники»? {11} Разве для того, чтобы читатели тут же могли поверить на деле справедливость впечатлений г. Никитенко, как» будто произведенных именно этою повестью? Вообще, почему отдел словесности отдан почти исключительно в распоряжение тому направлению, которое так справедливо осуждается самим редактором в отделе наук?» На все эти вопросы мы ответим критику «Москвитянина» одним вопросом: а на каком основании вы уверены так положительно, что г. Никитенко разделяет ваш образ мыслей касательно как повести «Родственники», так и всех других повестей в отделе словесности нашего журнала? Кроме того, что г. Никитенко и не думал, подобно вам, уничтожать натуральной школы, а только хотел, показавши ее достоинства (на что вы ему и возразили на стр. 177), показать и ее недостатки, состоявшие, по его мнению, в преувеличении и однообразии. Для применения он мог иметь в виду произведения, действительно отличающиеся грубою естественностию или впадающие в карикатуру, каких не мало появляется в нашей литературе. Как бы то ни было, но как он не указал ни на одно произведение, то вы не имели никакого основания навязывать ему этих указаний, кроме вашего самолюбия, которое уверяет вас, что судить безошибочно значит судить по-вашему. И неужели вы не шутя думаете, что стоит только назвать без всяких доказательств ту или другую повесть дурною, чтобы всех убедить, что она точно дурна? Но нет, этого вам мало: вы, кажется, убеждены, что вам ничего не нужно и говорить, что с вами безусловно должны быть согласны все, даже не зная, как вы думаете о том или другом предмете: хотя г. Никитенко, до появления вашей статьи, и не мог знать вашего мнения о повести «Родственники», однако тем не менее, думаете вы, не мог не разделять его... Странная уверенность!

Далее скромный критик «Москвитянина», в виде уступки, делает такое замечание: «Может быть, другого рода повестей достать нельзя; может быть, даже такие повести нужны для успеха журнала, чего мы, впрочем, не думаем». Странно видеть человека, который, по собственному сознанию, решительно не знает журнального дела, а между тем взялся рассуждать о нем! Он не знает, какие повести можно доставать и какие повести нравятся публике и, следовательно, могут поддерживать журнал. То говорит: «может быть», то: «чего мы, впрочем, не думаем». Как

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
объяснить ему это? Он назвал только одну повесть: «Родственники». О ней можно судить с двух сторон: со стороны направления и со стороны выполнения. В первом отношении мы на «может быть» нашего критика отвечаем утвердительно; во втором отношении эта повесть не без достоинств, местами замечательных, но вообще не может идти в образец повестей той школы, на которую с таким ожесточением нападает наш критик. В этом случае нам трудно отвечать ему, сколько потому, что он по одной первой книжке журнала хочет произнести суд о всех будущих книжках этого журнала, хотя бы ему суждено было продолжаться десять лет при постоянном участии одних и тех же лиц, сколько и потому, что он, говоря о повестях, назвал только повесть «Родственники» и неопределенно указал на отдел словесности, не сказавши ни слова ни о повести «Кто виноват?» Искандера, вышедшей как приложение к первой книжке, ни о «Хоре и Калиныче», рассказе г. Тургенева, помещенном в «Смеси». {12} Вероятно, он имел свои причины не высказывать своего мнения об этих двух произведениях, и в таком случае, надо отдать ему справедливость, он поступил очень ловко. Если бы мы сказали, что он и их считает тем же, чем считает все произведения натуральной школы, он мог бы ответить, что о них ничего не говорил, что он указал только на то, что было помещено в отделе словесности. Но если бы, сделавши вопрос: «может быть, даже такие повести нужны для успеха журнала», он указал на «Кто виноват?» и «Хорь и Калиныч» – тогда бы мы положительно и утвердительно отвечали ему: да! Но он хочет быть с нами великодушным; он отрицает мысль, чтобы мы, в выборе повестей, руководствовались расчетом на успех журнала, а не внутренним достоинством повестей. Благодарим за доброе мнение, но никак не думаем, чтобы потребности нашего читающего общества были в таком разладе с истинным вкусом, что удовлетворять им непременно значило бы – руководствоваться корыстным расчетом, а не следовать искренно своему вкусу и убеждению. В «Современнике» не было и не будет помещено ни одной повести, которая бы, по искреннему убеждению редакции, не заключала в себе каких-нибудь хороших сторон, делающих ее стоящею печати, и уже было напечатано несколько весьма замечательных произведений в этом роде. Они были замечены и отличены публикою, и мы очень рады, что наш вкус, наше личное мнение совпали, в отношении к ним, со вкусом и мнением большинства публики. Эти произведения: «Кто виноват?», «Обыкновенная история», «Рассказы охотника» и «Из сочинения доктора Крупова о душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности»... {13}

Замечательна также мысль критика, сделанная в виде уступки, что «редактор «Современника» не властен пересоздать изящной литературы по своим желанием». Вот что правда, то правда! Только с чего вы взяли, что он желает ее пересоздать? Желать видеть ее в лучшем, совершеннейшем виде, и желать пересоздать – не одно и то же.

Теперь следуют критические противоречия статьи г. Никитенко с статьею г. Белинского. В последней сказано, между прочим, что «если бы преобладающее отрицательное направление и было в натуральной школе одностороннею крайностью, и в этом есть своя польза, свое добро: привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность тем же людям или их последователям, когда придет, время, верно изображать и положительные явления жизни, не становя их на ходули, не преувеличивая, словом, не идеализируя их риторически». Конечно, тут нет буквального, внешнего согласия с статьею г. Никитенко; но нет и резкого противоречия. С одной стороны, тут уступка, согласие в том, что отрицание составляет действительно преобладающее направление новой школы; с другой – показана польза и этого направления. Но критик «Москвитянина» восклицает патетически: «мы не спрашиваем, справедливо ли это или нет, но согласно ли с убеждениями редактора и с наставлениями, предложенными им в его статье? Думает ли он, что, смотря по времени, литература может изображать и темные и светлые стороны действительности, то есть быть правдивою, может также изображать одни отрицательные стороны, то есть клеветать? Полагает ли он, что привычка отыскивать одни пороки и поносить людей способствует развитию беспристрастия и справедливости?..» В этих словах отозвалось решительное отсутствие живого практического понимания искусства. Критик «Москвитянина», мы уверены в этом, человек умный и начитанный, который знает все возможные теории и системы искусства, особенно немецкие. Это, бесспорно, очень хорошо; но одного этого еще очень мало для действительного понимания искусства: для этого прежде всего и больше всего нужно то врожденное эстетическое чувство, тот инстинкт, тот такт изящного, которые обнаруживаются не в теории, а в ее критическом приложении к произведениям искусства. Мы еще обратимся к этому вопросу и покажем, в каком отношении находится к нему критик «Москвитянина»; а теперь покажем, как мало истины в его словах. Ему кажется решительною нелепостию, чтобы» литература,

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru смотря по времени, отличалась то тем, то другим исключительным направлением. А между тем это всегда так было и будет: доказательство можно найти в истерии каждой литературы. Изображать одни отрицательные стороны жизни – вовсе не значит клеветать, а значит только находиться в односторонности; клеветать же значит – взводить на действительность такие обвинения, находить в ней такие пятна, каких в ней вовсе нет. Давать клевете другое значение – тоже значит клеветать... не на клевету, разумеется, а на людей не нашего прихода... Находить в людях те пороки, которые в них действительно есть, не значит поносить их: поношение в самих пороках, и кто порочен, тот поносит сам себя... Привычка отыскивать действительно существующее очень близка к привычке отыскивать истину, а это, разумеется, способствует развитию беспристрастия и справедливости...

Противоречий между статьей г. Никитенко и статьей г. Белинского критик «Москвитянина» находит такую бездну, что даже отказывается на все указывать, а избирает самые разительные. «Редактор (говорит он) напал сильно на карикатурные изображения помещиков и деревенского быта; критик в числе замечательных стихотворных произведений прошлого года упоминает о рассказе под заглавием: «Помещик» (в «Отечественных записках»). Дался же гг. славянофилам этот «Помещик»! Вот уже скоро два года, как было напечатано (в «Петербургском сборнике» г. Некрасова, {14} а не «Отечественных записках») это стихотворение г. Тургенева, а они до сих пор не могут от него притти в себя. С того времени и до сей минуты все толкуют о нем. Уверяют, что это произведение ничтожное, карикатура, что оно бездарно, плохо: кажется, стоило ли бы обращать на него внимание? А между тем они все продолжают из него волноваться и выходить из себя... Обращаясь к противоречию, спросим критика «Москвитянина»: на каком основании вообразил он, что г. Никитенко, говоря о карикатурных изображениях помещиков, метил именно на пьесу г. Тургенева? Уж не на основании ли ее заглавия, так положительно указывающего на помещика, что и ошибиться нельзя? В таком случае нам остается только дивиться тонкой пронизательности критика «Москвитянина»... «Редактор (продолжает он) строго осуждал направление тех писателей, которые созидают так называемые народные характеры из грязи, лохмотьев, квасу, шей и кулаков русского человека, а критик восхваляет повесть под заглавием «Деревня» (в «Отечественных записках»), которая создана именно по этому рецепту». Опять то же! Критику «Москвитянина» кажется, что повесть «Деревня» создана по этому рецепту, и этого ему достаточно для убеждения, что и г. Никитенке кажется то же... Но здесь мы остановимся и от частных перейдем к общему вопросу – к вопросу о натуральной школе, которая с таким живым участием и вниманием принята публикою и с таким ожесточением преследуется двумя литературными партиями – неестественною, или риторическою, состоящею из отставных беллетристов, и славянофильскою. Нам очень неприятно, что мы должны повторять то, что уже не раз было говорено нами: но что ж нам делать, если противники натуральной школы, беспрестанно нападая на нее, твердят все одно и то же, не умея выдумать ничего нового?

Обе эти партии большею частью согласны в их нападках на натуральную школу, хотя и по разным побуждениям; их доводы, доказательства, даже тон – почти одинаковы; но только в одном они существенно разнятся. Первая партия, не любя натуральной школы, еще больше не любит Гоголя, как ее главу и основателя. В этом есть смысл и логика. Идя от начала ложного, эти люди по крайней мере не противоречат себе до явной бессмыслицы: нападая на плод, не восхищаются корнем, осуждая результат, не хвалят причины. Ошибаясь в отношении к истине, они совершенно Правы в отношении к самим себе. Что касается до причин их нерасположения к произведениям Гоголя, – они давно известны: Гоголь дал такое направление литературе, которое изгнало из нее риторичность и для успеха в котором необходим талант. Вследствие этого старая манера выводить в романах и повестях риторические олицетворения отвлеченных добродетелей и пороков, вместо живых типических лиц, пала. Все попытки писателей этой школы на поддержание к ним внимания публики обращаются для них в решительные падения. Даже те их произведения, которые в свое время имели успех, даже значительный, давно уже забыты. Новые издания их остаются в книжных лавках. Согласитесь, что это неприятно и есть из чего выйти из себя и увидеть в новой школе своего личного врага. К этому присоединяются и другие обстоятельства. Эти люди вышли на литературное поприще во время господства совершенно иных понятий об искусстве и литературе. Тогда искусство не имело ничего общего с жизнью, действительностию. Написать роман или повесть, тогда значило – наплести разных неправдоподобных событий, вместо характеров заставить говорить и действовать аллегорические фигуры разных дурных и хороших качеств, все это напичкать моральными сентенциями и из всего этого вывести какое-нибудь нравственное правило, вроде того, например, что добродетель награждается, а порок наказывается. При этом допускалась легкая и умеренная сатира, то есть

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

беззубые насмешки над общими человеческими слабостями, не воплощенными в лицо и характер и потому существующими равно везде, как и нигде. О колорите местности и времени не было вопроса, и потому нельзя было понять, какой земле и какому веку принадлежат действующие лица романа или повести; зато можно было иметь удовольствие по произволу переносить их в какую угодно землю, в какой угодно век. Но взамен этого строго требовалось, чтобы подле каждого злодея рисовался добродетельный человек, подле глупца – умница, подле лжеца – правдолюб. Имен эти герои не имели, но им давались клички по их качествам: Добросердов, Честнов, Приятов, Ножов, Ворватин и т. п.^{15} Так писать было легко: для этого не нужно было таланта, наблюдательности, живого чувства действительности; а нужны были только некоторая образованность и начитанность, а главное – охота и навык писать. И под влиянием этих-то понятий выросли и развились писатели той школы, о которой мы говорим. Удивительно ли, что до сих пор они все так же понимают искусство? Оно для них – невинное и полезное занятие, которое должно тешить читателя, представляя ему только приятные картины жизни, рисуя только образованных людей и ни под каким видом – неотесанных мужиков в зипунах и лаптях. Правда, еще эти писатели были не стары, когда так называемый романтизм вторгся вдруг и в нашу литературу и когда романы Вальтера Скотта сменили «Малек Аделя» г-жи Коттэн и знакомство с драмами Шекспира показало, что всякий человек, на какой бы низкой ступени общества и даже человеческого достоинства ни стоял он, имеет полное право на внимание искусства потому только, что он человек. И многие из писателей неестественной риторической школы горячо стали за романтизм; но это произвело в них только какую-то странную смесь старых установившихся понятий с новыми неустановившимися. Они не могли в них примириться по существенной противоположности друг другу. И потому наши романисты и нувеллисты этой школы остались при старых понятиях, сделавши несколько нелогических уступок в пользу новых. Это отразилось в их сочинениях тем, что они стали заботиться – о местном колорите и позволяли себе рисовать и людей низших сословий. Это называлось у них народностью. Но в чем состояла эта народность? В том, что своим склонам с чужеземных образцов они давали русские имена, да еще иногда и исторические, отчего их лица нисколько не делались русскими, потому что прежде всего не были созданиями искусства, а были только бледными копиями. Вообще их романы походили на нынешние русские водевили, переделываемые из французских посредством переложения чуждых нам французских нравов на чуждые им русские нравы. Риторика всегда оставалась риторикой, даже и подрумяненная плохо понятым романтизмом. Для ясного уразумения новых образцов искусства и новых о нем понятий нужно было время, а для обращения русской литературы на дорогу самобытности нужны были новые образцы в самой русской литературе. И такие образцы даны были Пушкиным и потом Гоголем. Но следовать за ними можно было только людям с талантом. Вот отчего писатели риторической школы так косо смотрели на Пушкина и почему так невыносимо им одно имя Гоголя! В чем состоят их нападки на него? Вечно в одном и том же: он рисует грязь, представляет неумытую натуру и оскорбляет русское общество, находя в нем характеры низкие и не противопоставляя им высоких... Все это совершенно согласно с старинными пиитиками и риториками.

За то же самое, теми же самыми выражениями нападают славянофилы на натуральную школу, но за то же самое превозносят они Гоголя. Что за странное противоречие? Какая его причина? Если бы критик «Москвитянина» не находил никакой связи между Гоголем и натуральной школой, – он был бы прав с своей точки зрения, как бы ни была она фальшива. Но вот что говорит он сам об этом: «Петербургские журналы подняли знамя и провозгласили явление новой литературной школы, по их мнению, совершенно самостоятельной. Они выводят ее из всего прошедшего развития нашей литературы и видят в ней ответ на современные потребности нашего общества. Происхождение натурализма, кажется, объясняется гораздо проще; нет нужды придумывать для него родословной, когда на нем лежат явные признаки тех влияний, которым он обязан своим существованием. Материал дан Гоголем, или, лучше, взят у него: это пошлая сторона нашей действительности». Основная мысль этих слов справедлива: натуральная школа действительно произошла от Гоголя, и без него се не было бы; но факт этот толкуется критиком «Москвитянина» фальшиво. Если натуральная школа вышла из Гоголя, из этого отнюдь не следует, чтобы она не была результатом всего прошедшего развития нашей литературы и ответом на современные потребности нашего общества, потому что сам Гоголь, ее основатель, был результатом всего прошедшего развития нашей литературы и ответом на современные потребности нашего общества. Что он несравненно выше и важнее всей своей школы, против этого мы и не думали спорить; это другое дело. Во взгляде критика «Москвитянина» на Гоголя видно решительное непонимание ни искусства, ни Гоголя. Ясно, что он держится тех же пиитик и риторик, которыми руководствуются

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

писатели неестественной школы, и что, за неимением собственного (прочного) воззрения на предмет, он слишком увлекся мнением Пушкина о Гоголе, с которым сам Гоголь безусловно согласился. Вот его собственные слова на этот счет: «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого точно нет у других писателей» («Выбран. места из переписки с друзьями», стр. 141–142). В этих словах много правды; но их нельзя принимать за полное и окончательное суждение о Гоголе. Теньер был по преимуществу живописец пошлости жизни голландского простонародья (что – скажем мимоходом – не помешало Европе признать его великим талантом); эта пошлость есть истинный герой его живописных поэм, тут она на первом плане и прежде всего бросается в глаза зрителю. Однакож было бы нелепо искать чего-нибудь общего между талантом Теньера и Гоголя. Гогарт – по преимуществу живописец, пороков, разврата и пошлости, и больше ничего; но и с ним у Гоголя так же мало сходства, как и с Теньером. Гоголь создал типы – Ивана Федоровича Шпоньки, Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Хлестакова, Городничего, Бобчинского и Добчинского, Земляники, Шпекина, Тяпкина-Ляпкина, Чичикова, Манилова, Коробочки, Плюшкина, Собакевича, Ноздрева и многие другие. В них он является великим живописцем пошлости жизни, который видит насквозь свой предмет во всей его глубине и широте и схватывает его во всей полноте и целостности его действительности. Но зачем же забывают, что тот же Гоголь написал «Тараса Бульбу», поэму, герой и второстепенные действующие лица которой – характеры высоко трагические? И между тем видно, что поэма эта писана тою же рукою, которою писаны «Ревизор» и «Мертвые души». В ней является та особенность, которая принадлежит только таланту Гоголя. В драмах Шекспира встречаются с великими личностями и пошлые, но комизм у него всегда на стороне только последних; его Фальстаф смешон, а принц Генрих и потом король Генрих V – вовсе не смешон. У Гоголя Тарас Бульба так же исполнен комизма, как и трагического величия; оба эти противоположные элементы слились в нем неразрывно и целостно в единую, замкнутую в себе, личность; вы и удивляетесь ему, и ужасаетесь его, и смеетесь над ним. Из всех известных произведений европейских литератур пример подобного, и то не вполне, слияния серьезного и смешного, трагического и комического, ничтожности и пошлости жизни со всем, что есть в ней великого и прекрасного, представляет только «Дон Кихот» Сервантеса. Если в «Тарасе Бульбе» Гоголь умел в трагическом открыть комическое, то в «Старосветских помещиках» и «Шинели» он умел уже не в комизме, а в положительной пошлости жизни найти трагическое. Вот где, нам кажется, должно искать существенной особенности таланта Гоголя. Это – не один дар выставлять ярко пошлость жизни, а еще более – дар выставлять явления жизни во всей полноте их реальности и их истинности. В «Переписке» Гоголя есть одно место, которое бросает яркий свет на значение и особенность его таланта и которое было или должно понять, или оставлено без внимания: «Эти ничтожные люди (в «Мертвых душах») однакож ничуть не портреты с ничтожных людей; напротив, в них собраны черты тех, которые считают себя лучшими других, разумеется, только в разжалованном виде из генералов в солдаты; тут, кроме моих собственных, есть даже черты моих приятелей» {16} (стр. 145–146). Действительно, каждый из нас, какой бы он ни был хороший человек, если вникнет в себя с тем беспристрастием, с каким вникает в других, – то непременно найдет в себе, в большей или меньшей степени, многие из элементов многих героев Гоголя. И кому не случалось встречать людей, которые немножко скупеньки, как говорится, прижимисты, а во всех других отношениях – прекраснейшие люди, одаренные замечательным умом, горячим сердцем? Они готовы на все доброе, они не оставят человека в нужде, помогут ему, но только подумавши, порассчитавши, с некоторым усилием над собою? Такой человек, разумеется, не Плюшкин, но с возможностью сделаться им, если поддастся влиянию этого элемента и если, при этом, стечение враждебных обстоятельств разовьет его и даст ему перевес над всеми другими склонностями, инстинктами и влечениями. Бывают люди с умом, душою, образованием, познаниями, блестящими дарованиями – и, при всем этом, с тем качеством, которое теперь известно на Руси под именем «хлестаковства». Скажем больше: многие ли из нас, положи руку на сердце, могут сказать, что им не случалось быть Хлестаковыми, кому целые года своей жизни (особенно молодости), кому хоть один день, один вечер, одну минуту? Порядочный человек не тем отличается от пошлого, чтобы он был вовсе чужд всякой пошлости, а тем, что видит и знает, что в нем есть пошлого, тогда как пошлый человек и не подозревает этого в отношении к себе; напротив, ему-то и кажется больше всех, что он истинное совершенство. Здесь мы опять видим подтверждение выше высказанной нами мысли об особенности таланта Гоголя, которая состоит не в

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
исключительном только даре живописать ярко пошлость жизни, а проникать в полноту и реальность явлений жизни. Он, по натуре своей, не склонен к идеализации, он не верит ей; она кажется ему отвлечением, а не действительностью; в действительности для него добро и зло, достоинство и пошлость не разделены, а только перемешаны не в равных долях. Ему дался не пошлый человек, а человек вообще, как он есть, не украшенный и не идеализированный. Писатели риторической школы утверждают, будто все лица, созданные Гоголем, отвратительны как люди. Справедливо ли это? – Нет, и тысячу раз нет! Возьмем на выдержку несколько лиц. Манилов пошел до крайности, сладок до приторности, пуст и ограничен; но он не злой человек; его обманывают его люди, пользуясь его добродушием; он скорее их жертва, нежели они его жертвы. Достоинство отрицательное – не спорим; но если бы автор придал к прочим чертам Манилова еще жестокость обращения с людьми, тогда все бы закричали: что за гнусное лицо, ни одной человеческой черты! Так уважим же в Манилове и это отрицательное достоинство. Собакевич – антипод Манилова; он груб, неотесан, обжора, плут и кулак; но избы его мужиков построены хоть неуклюже, а прочно, из хорошего лесу, и, кажется, его мужикам хорошо в них жить. Положим, причина этого не гуманность, а расчет, но расчет, предполагающий здравый смысл, расчет, которой, к несчастью, не бывает иногда у людей с европейским образованием, которые пускают по миру своих мужиков на основании рационального хозяйства. Достоинство опять отрицательное, но ведь если бы его не было в Собакевиче, Собакевич был бы еще хуже: стало быть, он лучше при этом отрицательном достоинстве. Коробочка пошла и глупа, скупа и прижимиста, ее девчонка ходит в грязи босиком, но зато не с распухшими от пощечин щеками, не сидит голодна, не утирает слез кулаком, не считает себя несчастною, но довольна своею участью. Скажут: все это доказывает только то, что лица, созданные Гоголем, могли бы быть еще хуже, а не то, чтоб они были хороши. Да мы и не говорим, что они хороши, а говорим только, что они не так дурны, как говорят о них.

Писатели риторической школы ставят в особенную вину Гоголю, что, вместе с пошлыми людьми, он для утешения читателей не выводит на сцену лиц порядочных и добродетельных. В этом с ними согласны и почитатели Гоголя из славянофильской партии. Это доказывает, что те и другие почерпнули свои понятия об искусстве из одних и тех же пиитик и риторик. Они говорят: разве в жизни одни только пошлецы и негодяи? Что сказать им на это? Живописец изобразил на картине мать, которая любит своего ребенка и которой все лицо – одно выражение материнской любви. Что бы вы сказали критику, который осудил бы эту картину на том основании, что женщинам доступно не одно материнское чувство, что художник оклеветал изображенную им женщину, отняв у нее все другие чувства? Я думаю, вы ничего не сказали бы ему, даже согласились бы с ним и хорошо бы сделали. Но тут, скажут, уже потому нет клеветы, что на лице женщины изображено чувство похвальное. Стало быть, по-вашему, живописец оклеветал бы женщину вообще, если бы представил на картине Медею, убивающую, из чувства ревности, собственных детей? Стало быть, вы будете осуждать его за то, что он не поместил на своей картине фигуры добродетельной женщины, которая бы, всем выражением своего лица и взора, всю свою позу, протестовала против ужасного действия Медеи? Да, художник хотел изобразить крайнюю степень ревности; это было задушевною идеею, которую хотел он выразить; стало быть, все чуждое этой идее только раздвоило и ослабило бы интерес его картины, нарушило бы единство ее впечатления. Стало быть, подобные требования с вашей стороны противоречат основным законам искусства. «Перебирая последние романы (говорит критик «Москвитянина»), изданные во Франции, с притязанием на социальное значение, мы не находим ни одного, в котором бы выставлены были одни пороки и темные стороны общества. Напротив, везде, в противоположность извергам, негодьям, плутам и ханжам, изображаются лица, принадлежащие к одним сословиям и занимающие в обществе одинаковое положение с первыми, но честные, благородные, щедрые и набожные. Говорят, что типы честных людей удаются хуже, чем типы негодяев; это отчасти справедливо; но еще справедливее то, что ни те, ни другие не имеют художественного достоинства, пишутся не с художественною целию, а потому должно судить о них не по выполнению, а по намерению». Мы заметим на это, что если произведение, претендующее принадлежать к области искусства, не заслуживает никакого внимания по выполнению, то оно не стоит никакого внимания и по намерению, как бы ни было оно похвально, потому что такое произведение уже несколько не будет принадлежать к области искусства. Истинным художникам равно удаются типы и негодяев и порядочных людей; когда же мы находим в романе удачными только типы негодяев и неудачными типы порядочных людей, это явный знак, что или автор взял не за свое дело, вышел из своих пределов, из пределов своего таланта и, следовательно, погрешил против основных законов искусства, то есть выдумывал, писал и натягивал

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

риторически там, где надо было творить; или что он без всякой нужды, вопреки внутреннему смыслу своего произведения, только по внешнему требованию морали, ввел в свой роман эти лица, и, следовательно, опять погрешил против основных законов искусства. Вот то-то и есть: хлопчут о чистом искусстве, и первые не (понимают его; нападают на искусство, служащее посторонним целям, и первые требуют, чтобы оно служило посторонним целям, то есть оправдывало бы теории и системы нравственные и социальные. Творчество, по своей сущности, требует безусловной свободы в выборе предметов не только от критиков, но и от самого художника. Ни ему никто не вправе задавать сюжетов, ни он сам не вправе направлять себя в этом отношении. Он может иметь определенное направление, но оно у него только тогда может быть истинно, когда, без усилия, свободно, сходится с его талантом, его натурой, инстинктами и стремлением. Он изобразил вам норок, разврат, пошлость: судите, верно ли, хорошо ли он это сделал; а не толкуйте, зачем он сделал это, а не другое, или, вместе с этим, не сделал и другого. Говорят: что это за направление – изображать одно низкое и пошрое? А почему, бы не так? Один живописец прославился изображением вообще животных, другой только коров или лошадей, третий – кухонных припасов, и каждый из них только этим и занимался всю жизнь, и никого из них не обвиняли за это; а в области поэзии отнимают у художника это право. То, скажут, живопись, а то поэзия. Но ведь то и другое, несмотря на все их различие, равно искусство, а основные законы искусства – одни и те же во всех искусствах. Не верю я эстетическому чувству и вкусу тех людей, которые с удивлением останавливаются перед Мадонною Рафаэля и с презрением отворачиваются от картин Теньера, говоря: это проза жизни, пошлость, грязь; но так же точно не верю я и эстетическому смыслу тех, которые с некоторою иронической улыбкою посматривают на Мадонну Рафаэля, говоря: это идеалы, то, чего нет в натуре! и с умилением смотрят на картины Теньера, говоря: вот натура, вот истина, вот действительность! {17} Для этих людей не существует искусства, новая форма – и они не узнают его, как маленькие дети не узнают знакомого им человека, потому только, что он на сюртук надел шинель, в которой они никогда его не видели. Им не растолкуешь, что Мадонну и сцены мужиков, как ни различны эти явления, произвел один и тот же дух искусства, что Рафаэль и Теньер оба художники и оба нашли содержание своих произведений в той же действительности, бесконечно разнообразной и всегда единой, как разнообразна и едина природа, как разнообразно и едино существо человека! А сколько таких людей на белом свете! По крайней мере мне не раз случалось встречать таких тонких знатоков и ценителей искусства. Одни из них отрицают всякий талант в Гоголе, и когда такому господину намекнешь, что это от отсутствия эстетического чувства, он сейчас с торжеством возразит: отчего же я понимаю Пушкина и восхищаюсь им? Другие не признают особенного таланта в Пушкине на том основании, что им очень нравится Гоголь. Это значит только, что ни те, ни другие не понимают ни Пушкина, ни Гоголя, и восхищаются в них вовсе не тем, что составляет сущность и красоту их творений. Один писатель риторической школы печатно объявил, что если бы ему нужно было выехать из России и взять с собою только лучшее из русской литературы, он взял бы только басни Крылова и «Горе от ума» Грибоедова. Как выражение личного, частного вкуса, это было бы справедливо и основательно; но как взгляд на искусство вообще, это ложь, это все равно, как если бы кто, любя березу больше всех других деревьев, стал доказывать, что дуб – дерево некрасивое и дрянное.

Самое сильное и тяжелое обвинение, которым писатели риторической школы думают окончательно уничтожить Гоголя, состоит в том, что лица, которые он обыкновенно выводит в своих сочинениях, оскорбляют общество. В этом с ними совершенно согласились и славянофилы, только больше в отношении к натуральной школе, нежели к Гоголю: первую они нещадно бранят за это, а насчет Гоголя только изъявляют сожаление, что он не рисует искупительных лиц. Подобное обвинение больше всего показывает незрелость нашего общественного образования. В странах, упредивших нас развитием целых веков, и понятия не имеют о возможности подобного обвинения. Никто не скажет, чтобы англичане не были ревнивы к своей национальной чести; напротив, едва ли есть другой народ, в котором национальный эгоизм доходил бы до таких крайностей, как у англичан. И между тем они любят своего Гогарта, который изображал только пороки, разврат, злоупотребления и пошлость английского общества его времени. И ни один англичанин не скажет, что Гогарт оклеветал Англию, что он не видел и не признавал в ней ничего человеческого, благородного, возвышенного и прекрасного. Англичане понимают, что талант имеет полное и святое право быть односторонним и что он может быть великим в самой односторонности. С другой стороны, они так глубоко чувствуют и создают свое национальное величие, что нисколько не боятся, чтобы ему могло повредить обнародование недостатков и темных сторон английского общества. Но и мы можем жаловаться только на

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru незрелость общественного образования, а не на отсутствие в нашем обществе чувства своего национального достоинства: это доказывается тем фактом, не подлежащим никакому сомнению, что, несмотря на ребяческие возгласы невопад усердных патриотов, произведения Гоголя в короткое время получили на Руси народность. Их не читают только те, которые ничего не читают; а «Ревизора» знают многие из тех, которые вовсе не знают грамоте. Успех натуральной школы есть тоже факт, подтверждающий ту же истину. И оно так должно быть: чем сильнее человек, чем выше он нравственно, тем смелее он смотрит на свои слабые стороны и недостатки. Еще более можно сказать это о народах, которые живут не человеческий век, а целые века. Народ слабый, ничтожный или состаревшийся, изживший всю свою жизнь до невозможности итти вперед, любит только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны: он знает, что они смертельны, что его действительность не представляет ему ничего отрадного и что только в обмане самого себя может он находить те ложные утешения, до которых так падки слабые и дряхлые. Таковы, например, китайцы или персияне: послушать их, так лучше их нет народа в мире и все другие народы перед ними – ослы и негодяи. Не таков должен быть народ великий, полный сил и жизни: сознание своих недостатков, вместо того чтобы приводить его в отчаяние и повергать в сомнения о своих силах, дает ему новые силы, окрыляет его на новую деятельность. Вот почему первый наш светский писатель был сатирик, и с легкой руки его сатира постоянно шла об руку с другими родами литературы. Лирик Державин, воспевавший величие России, был в то же время и сатириком, и его оды к «Фелице», его «Вельможа» принадлежат к лучшим и оригинальнейшим его произведениям. Здесь мы не можем не упомянуть о просвещенном и благодетельном покровительстве, которым наше правительство ободряло сатиру: оно допустило к представлению и «Недоросля», и «Ябеду», и «Горе от ума», и «Ревизора». И наше общество было достойно своего правительства: за исключением второй из этих комедий, слабой по выполнению, все другие в короткое время сделались народными драматическими пьесами. {18}

На чем основаны доказательства противников и почитателей Гоголя, что его произведения оскорбительны для русского имени? На том только, – и больше ни на чем, – что, читая их, каждый убедится, что в России нет порядочных людей. Мы вполне согласны, что точно найдется не мало людей, способных вывести из сочинений Гоголя такое оригинальное следствие; но где же нет таких простодушных читателей, которые далее буквального смысла книги ничего в ней не видят, и неужели по ним должно судить о всей русской публике, и только соображаясь с их ограниченностию должна действовать литература? Напротив, нам кажется, о них она всего менее должна заботиться. Есть люди, для которых литература и наука, просвещение и образование действительно только вредны, а не полезны, потому что сбивают их с последнего остатка здравого смысла, скупое уделенное им природою: неужели же для них уничтожить литературу и науку, просвещение и образование? Подобное предположение нелепо уже по одному тому, что такие люди находятся в решительном меньшинстве и что литература и наука оказывают благотворное влияние не на одни избранные натуры, но на всю массу общества. Нам скажут, что не одни ограниченные люди видят в сочинениях Гоголя оскорбление русскому обществу. Положим, так; но мнение-то это, кому бы ни принадлежало оно, всегда будет ограниченным. Писатель выведет в повести пьяницу, а читатель скажет: можно ли так позорить Россию? будто в ней все одни пьяницы? Положим, этот читатель умный, даже очень умный человек; да следствие-то, которое он вывел из повести, нелепо. Нам скажут, что искусство обобщает частные явления и что оно уже не искусство, если представляет явления случайные. Правда; но ведь общество, и особенно народ, заключают в себе множество сторон, которые не только повесть, целая литература никогда не исчерпает. Критик «Москвитянина» особенно обиделся повестью «Деревня». {19} «В ней (говорит он) собрано и ярко выставлено все, что можно было найти в нравах крестьян грубого, оскорбительного и жестокого. Но поражают не частности, а глубокая бесчувственность и совершенное отсутствие нравственного смысла в целом быту. Ни сострадания, ни раскаяния, ни стыда, ни страха, ни даже животной привязанности между единокровными, автор ничего не нашел в русской деревне. Может быть, вы подумаете, что она представляется ему в том состоянии первобытной дикости, которое, по мнению некоторых, предшествует пробуждению нравственного сознания и, следовательно, допускает развитие; но вы ошибетесь; в сквернословии крестьян автор подслушал какую-то иронию над погранным чувством, признак не дикости, а растления; имена отца, матери, слова молитвы произносятся беспрестанно, – но безотзывно; ими играют без содрогания; они как будто выдуманы для других людей, а не для жалкого племени, утратившего всякое подобие с человеком». У! как сильно! Только справедливо ли? Содержание повести «Деревня» состоит в том, что бедную загнанную сиротку, по приискам плута старосты, господу выдали замуж за негодяя, в дурную семью. Что же, критик

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
«Москвитянина» думает, что в деревнях нет негодяев, нет дурных семейств? Или он думает, что изобразить негодяя или дурное семейство, значит доказать, что в русских деревнях все негодяи и дурные семейства? Надо согласиться, что наш критик очень щедр в раздаче другим разных дурных целей и намерений; но, к счастью, вовсе не впадал. В повести «Деревня» г. Григорович изобразил деревню именно в том виде, как это говорит критик «Москвитянина», хотя и не с тою целию, не с тою мыслию, которые он так великодушно ему приписывает. В нравах этой «Деревни» действительно только грубое и жестокое и нет даже «животной привязанности между единокровными». Но вот тот же самый г. Григорович, который написал «Деревню», предлагает читателям, в этой книжке «Современника», новую свою повесть («Антон Горемыка»), {20} в которой на сцене опять деревня и которой герой – русский крестьянин, но уже вовсе не вроде мужа Акулины, а человек добрый, который, по-своему, нежно, человечески любит своего племянника, свою жену и обращается с ними по-человечески. Следует ли же из этого, что г. Григорович видит в русской деревне только дикость и зверство в семейных отношениях? Нет, из этого следует совсем другое, а именно то, что в одной повести он взял одну сторону деревни, а в другой другую. Вы сами сказали, что в первой повести он выставил все грубое, оскорбительное и жестокое, что можно было найти в нравах крестьян. Если это можно было найти, значит, это не выдуманно, а взято с действительности, значит, это истина, а не клевета. Последней тут нельзя искать, после ваших собственных слов; ее скорее можно искать и найти в вашем усилии обвинить г. Григоровича в дурных целях и намерениях... Какое вы имеете право требовать от автора, чтобы он замечал и изображал не ту сторону действительности, которая сама мечется ему в глаза, которую он узнал, изучил, а ту, которая вас занимает? Вы вправе только требовать, чтобы он не выдумывал, был верен изображаемой им действительности; а все, что есть и бывает, принадлежит ему, равно как и выбор из всего этого. В «Журнале Министерства внутренних дел» есть следующее статистическое известие касательно смертности в России:

Кроме разницы в численности (погибших в драках) есть еще то различие между мужчинами, женщинами и детьми, что первые почти все погибли в обоюдных ссорах и побоищах, часто вследствие собственной же зазорливости при слабосилии; из последних, женщины преимущественно были жертвами супружеских неудовольствий и исправительных или наставительных мер супругов, кроме немногих случаев, где и они пали, ратоборствуя, даже иногда с подобными же себе женщинами; а дети лишались жизни более всего от неумеренного наказания их, что называется чем попало, за шалости или проступки. Все эти случаи не составляют убийств преднамеренных и не могут быть не причтены к смертности от неосторожности. В Тверской губернии, например, один крестьянин, желая наказать жену за что-то, убил ударом руки бывшего у ней на груди ребенка: что это как не неосторожность? Весьма похожая на эту смерть постигла одного шестнадцатимесячного ребенка в Полтавской губернии; а в Курской случилось точь-в-точь подобное происшествие».

Такого рода официальное известие может быть до некоторой степени указателем нравов простого народа. Что случается часто или нередко, то не есть явление случайное, исключительное и может служить материалом для художественного произведения, но отнюдь не может быть принято за всеобщее явление, исключаящее все противоположные, и служить позором обществу или народу. Так, например, всем известно, что, кроме России, нигде нет обыкновения париться в жаркой бане, следовательно, нигде же, кроме России, не может быть и примеров смерти от запаривания. Но следует ли скрывать такие факты из боязни какого-то нареkania на народ? Это случается в народе, но кто же скажет, что весь русский народ как дорвется до полка, так и запарится сейчас же? Крайняя степень всякого зла тем еще и выносима, что обрушивается всегда на меньшинство, следовательно, если и может принадлежать тому или другому обществу, то никогда не может послужить обвинением всему обществу.

Но обратимся исключительно к критику «Москвитянина» и разберем его мнение о Гоголе и натуральной школе. «Гоголь (говорит он) первый дерзнул ввести изображение пошлого в область художества». Неправда. Литература наша началась не с Гоголя, а между тем именно началась попыткою ввести изображение пошлого в область художества. Вспомните Кантемира. С тех пор как мы заметили это выше, литература наша не оставляла вовсе этого направления. В нем блистательно отличился Фонвизин; оно отразилось во многих лучших созданиях Державина. Пушкин начал писать своего (неконченного впрочем) «Арапа Петра Великого», когда еще имени Гоголя не появилось в печати. При этом не мешает вспомнить не только «Графа Нулина», всего посвященного изображению пошлости, но «Евгения Онегина», в котором изображение пошлости играет не последнюю роль. Гоголь только пошел далее

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
всех в том, что критик «Москвитянина» разумеет под выражением: изображение пошлости, и что, по нашему мнению, справедливее называть изображением действительности как она есть, во всей ее (полноте и истине. В этом отношении Гоголь действительно стал так выше всех других писателей русских, обнаружил в своей манере столько самобытности и оригинальности, что стал основателем новой литературной школы, хотел ли он этого или нет – все равно. Но пойдём далее за нашим критиком.

«На то нужен был его гений. В этот глухой, бесцветный мир, без грома и без потрясений, неподвижный и ровный, как бездонное болото, медленно и безвозвратно втягивающее в себя живое и свежее, в этот мир, высоко поэтический самым отсутствием всего идеального (?), он первый опустился как рудокоп, почуявший под землёю еще нетронутую силу. С его стороны это было не одно счастливое внушение художественного инстинкта, но сознательный подвиг целой жизни, выражение личной потребности внутреннего очищения. Под изображением действительности, поразительно истинным, скрывалась душевная, скорбная исповедь. От этого произошла односторонность его последних произведений, которых однако нельзя назвать односторонними (!), именно потому, что вместе с содержанием художник передает свою мысль, свое побуждение (?!..). Оно так необходимо для полноты впечатления, так нераздельно с художественным достоинством его произведений, что литературный подвиг. Гоголя только в этом смысле и мог совершиться (???...). Ни страсть к наблюдениям, ни благородное негодование на пороки и вообще никакое побуждение, как бы с виду оно ни было бескорыстно, но допускающее в душе художника чувство личного превосходства, не дало бы на него ни права, ни сил (??). Нужно было породниться душою с тою жизнью и с теми людьми, от которых отворачиваются с презрением, нужно было почувствовать в себе самом их слабости, пороки и пошлость, чтобы в них же почувствовать присутствие человеческого. Кто с этим не согласен или кто иначе понимает внутренний смысл произведений Гоголя, с тем мы не можем спорить – это один из тех вопросов, которые решаются без апелляции в глубине сознания».

Мы и не спорим, потому что спорить можно только против того, с чем бываешь не согласен, но что, в то же время, хорошо понимаешь; а в этой выписке, признаемся, мы почти ничего не поняли. Почему мир, изображенный Гоголем, высоко поэтичен самым отсутствием всего идеального? Почему последние произведения Гоголя односторонни, однако их не позволено называть односторонними на том основании, что вместе с содержанием художник передает свою мысль, свое побуждение? Воля ваша – темно что-то, мистицизмом отзывается! Ничего не понимаем! Что значит «вместе с содержанием передавать свою мысль?» Да в искусстве иначе мысль и не передается, как через содержание и форму; это делали все художники и до Гоголя и будут делать после него, потому что в этом сущность искусства. Почему Гоголь открыл мир пошлости не вследствие своей художественной природы, своего художественного призвания, а вследствие «личной потребности внутреннего очищения»? Да это пахнет умильной средневековой легендой, чем-то вроде баллады «Двенадцать спящих дев»!..{21} Еще раз – ничего не понимаем! И потому, оставив в покое этот великолепный набор громких слов и таинственных фраз, перейдем к натуральной школе, которая, в глазах нашего критика, без вины виновата перед Гоголем тем, что пошла по пути, который он ей сам указал.

Первая ее вина та, что она переняла у Гоголя только его односторонность, то есть взяла у него одно содержание, из чего неоспоримо следует, что односторонность есть содержание, а содержание есть односторонность. Но пусть будет так. Вторая вина ее та, что она подражает Гоголю во всем, даже в определении людей по бородавке на носу, по цвету жилета и т. п. Но направление натуральная школа заимствовала не у Гоголя, а у новейшей французской литературы, и это направление есть – «кариатура и клевета на действительность, понятая как исправительное средство». Затем следует характеристика новейшей французской литературы и ее сравнение с ловким прикащиком, который «поддельваясь под вкус публики и соблазняя ее яркими красками, заманивает к себе в лавку толпу покупателей, отбивает их от соседнего продавца и помогает своему господину (то есть хозяину) сбывать товар, иными словами: вербовать последователей». Сравнение очень верно: всякое изящное произведение с социальным направлением есть, во-первых, непременно французское, хотя бы написано было, например, Диккенсом; во-вторых, вербовать последователей значит торговать, а торговать значит – набирать последователей. Против этого нечего сказать, кроме разве того, что писатели риторической школы дадут большого маха, если, собственными словами нашего критика, не докажут, что Гоголь заимствовал свое направление у новейшей

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
французской литературы. Это им будет тем легче сделать, что они, подобно нам, вероятно, не верят мистическому уверению, будто Гоголь открыл мир пошлости вследствие личной потребности внутреннего очищения, чем и отличился резко и от новейшей французской литературы и от русской натуральной школы, подражающей ему. Но далее: новейшая французская литература приняла в себя как основное двигательное начало – одушевление страсти, как цель – возбуждение страсти, а страсть, по мнению нашего критика, оскверняет все то, во что ее вмешивают. Мы думали доселе, что, напротив, страсть есть источник всякой живой, плодотворной деятельности, что ею сделано все великое и прекрасное и что зло не в страсти вообще, а в дурных страстях; но что без страстей вообще житейское море так же бы чуждо было всякого движения, как водяное море без, ветров. Иные люди нападают на страсти оттого именно, что сами слишком страстны, что устали и измучились волнением страстей. Другие же потому, что вовсе их не знают, и сами не ведают, за что на них сердятся. Всякие бывают люди и всякие страсти. У иного, например, всю страсть, весь пафос его натуры составляет холодная злость, и он только тогда и бывает умен, талантлив и даже здоров, когда кусается.

Итак, это дело решенное, не подлежащее никакому сомнению, что сущность новейшей французской литературы – «клевета на действительность, в смысле преувеличения темных ее сторон, допущенная для поощрения к совершенствованию». «Стремление (прибавляет наш критик) в основе своей благородное, похвальное, но сознание ложно и потому бесплодное». Однакож не думайте, чтобы натуральная школа уж ничем не отличалась от французской литературы: у нее содержание свое, национальное, разработанное Гоголем. Что за путаница! Как истина-то, против воли нашего критика, сама пробивается наружу сквозь непроходимую чащу умышленно наплетенных клевет, с благородною целью, если не исправить своих литературных противников, то хоть насолить им! Как ни припутывает он к натуральной школе французскую словесность, а все-таки только один Гоголь является в прямом, отношении к ней. Как ни бились мы, чтобы понять, чем, по мнению нашего критика, разнится натуральная школа от Гоголя, а поняли в его словах только то, что давно хорошо понимали и без него, то есть, что Гоголь далеко выше всех своих последователей. Значит: преступление натуральной школы состоит только в том, что таланты ее представителей ниже таланта Гоголя. Да, это вина! Мы пропускаем юмористическую характеристику натуральной школы, сделанную критиком «Москвитянина» с целью показать всю ничтожность, пустоту и пошлость натуральной школы. В этой характеристике он обнаружил бездну того остроумия, которое так и блещет в его сравнении французской социальной литературы с лавкою прикащика. Он говорит, что произведения натуральной школы – пародии на созданные Гоголем типы, карикатуры и клевета на действительность, что ее приемы всегда одни и те же, характеры бледны и бесцветны, интрига завязывается слабым узлом, так что всякий рассказ можно на любом месте прервать и также тянуть до бесконечности, и что всем этим достигается побочная цель, а именно: наводится нестерпимая скука на читателя. Далее он говорит положительно, что влияние натуральной школы безвредно, потому что ничтожно. Эта мысль даже повторена; в другом месте критик говорит, что писатели нелюбимой им школы впали в односторонность «именно потому, что у нас односторонность невинна и безопасна, что самое направление есть плод подражания, а не действительных потребностей общества и потому забавляет его или наводит на него скуку, не задевая за живое». Наконец, что натуральная школа не поддержана ни одним сильным талантом, что ей не поддался ни один даже второклассный талант и что она должна исчезнуть так же скоро и случайно, как она возникла.

Положим, все это справедливо; но в таком случае, из чего же вы горячитесь, зачем беспрестанно пишете о натуральной школе, ни на минуту не сводите с нее вашего тревожного внимания, посвящаете ей целые длинные статьи, похожие на горькие жалобы, если еще не на что-то худшее?.. Воля ваша, а тут есть странное противоречие, которое можно объяснить только разве тем, что к этому вопросу примешалась та страсть, которой влияние критик находит столь дурным. Стоит ли толковать о пустяках, о вздоре, – словом, о литературных произведениях, которые клеветают на общество, даже не по злонамеренности, напротив с добрым и благородным намерением (стр. 204–205), а потому, что они не самобытны, наполовину подражают Гоголю, перенимая его односторонность и недостатки, наполовину – новейшей французской литературе, перенимая у ней преувеличения и недобросовестное искажение действительности, о литературных произведениях, чуждых всякого достоинства, не ознаменованных талантом, способных наводить только скуку и по тому самому безвредных и ничтожных, несмотря на ложное их направление? Но если уже наш критик позволил себе сделать такую несообразность, впасть в такое противоречие с самим собою, несмотря на всю нелюбовь его к подобным противоречиям по крайней мере в других, он все же бы должен был

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru представить хоть какие-нибудь доказательства в подтверждение своего мнения, вместо того чтобы ограничиться только изложением своего мнения. Нет ничего легче, как доказывать общими положениями без применений их к подробностям обсуживаемого предмета. Этак легко доказать, что не только натуральная школа, но и любая литература никуда не годится; но подобная манера доказывать убедительна только для доказывающего, больше ни для кого. Правда, критик сослался на три произведения натуральной школы: «Деревню», «Родственники» и «Помещик»; но, во-первых, натуральная школа состоит не из трех же только этих произведений, а во-вторых, он только назвал их дурными, не приведя никаких доказательств, вероятно, думая, что ему стоит только сказать то или другое, чтобы ему все поверили безусловно. Правда, он распространился о «Деревне», но из его диктаторских возгласов, против этой повести, видно только то, что ему не нравится ее направление, а не то, чтобы оно действительно было дурно. Нет, если он хотел, почему бы то ни было, уничтожить натуральную школу, ему бы следовало, оставив в стороне ее направление, ее, как он вежливо выражается, клеветы на, общество, разобрать главные ее произведения на основании эстетической критики, чтобы показать, как мало или как вовсе не соответствуют они основным требованиям искусства. Тогда уже и их направление само собой уничтожилось бы, потому что, когда произведение, претендующее принадлежать к области искусства, не выполняет его требований, тогда оно ложно, мертво, скучно, и не спасет его никакое направление. Искусство может быть органом известных идей и направлений, но только тогда, когда оно – Прежде всего искусство. Иначе его произведения будут мертвыми аллегориями, холодными диссертациями, а не живым воспроизведением действительности. Тем более обязан был сделать это наш критик, что он особенно заботится о чистом искусстве, об искусстве, как искусство. Но он предпочел упомянуть, и то вскользь, о трех только произведениях натуральной школы, а обо всех других умалчивает и, кроме г. Григоровича, не назвал по имени ни одного из ее представителей.

На все на это у него были свои причины. Он, вероятно, чувствовал, что, пустившись в настоящую критику произведений натуральной школы, он (принужден был бы найти в ней что-нибудь и хорошее, что было вовсе несообразно с его намерением; потом он не мог бы избежать выписок, а они могли бы доказывать совершенно противное его доказательствам. Называя по именам писателей натуральной школы, он этим показал бы, что не шутит своим делом и не смотрит на отношения, в которые могла бы его поставить его откровенность ко стольким лицам. Гораздо спокойнее было ему назвать только одного да намекнуть еще на двух: остальные не вправе считать себя в числе подпавших его нападкам; при случае можно сказать им, что он не относит их к натуральной школе. Но подобные недоговорки и уклончивость никогда не разъясняют дела, а только усиливают и усложняют недоразумения, и потому мы просим нашего критика ответить нам прямо и откровенно: неужели он и в самом деле не видит никакого таланта, не признает никакой заслуги в таких писателях, каковы, например: Луганский (Даль), автор «Тарантаса», автор повести «Кто виноват?», автор «Бедных людей», автор «Обыкновенной истории», автор «Записок охотника», автор «Последнего визита», {22} о которых он не почел за нужное упомянуть? Потом: неужели он и в самом деле ни во что ставит успех произведений натуральной школы или думает уверить нас, что его не видит и не признает? Какие журналы пользуются наибольшим успехом, если не те, в которых помещаются произведения натуральной школы и которых направление совпадает с направлением этой школы? Скажем больше: без этих произведений натуральной школы теперь невозможен успех никакого журнала. Или критик наш не шутя считает русскую публику до сих пор несовершеннолетней, каким-то недорослем, который шагу не может сделать без критических няnek и потому поневоле допускает их сбивать его с толку, направляя то в ту, то в другую сторону? Это действительно было в эпоху безусловной веры в имена и авторитеты; но этого давно уже нет. Критика, слава богу, давно уже из журналов перешла в публику, сделалась общественным мнением. Судьба книги или какого-нибудь литературного произведения уже давно не зависит от произвола всякого, кто только вздумает ее поднять или уронить. Монополий критических теперь нет, потому что у всякого журнала свое мнение, и что хвалит один, то бранит другой. Но обратимся к фактам. Пушкин был встречен и восторженными похвалами и ожесточенною бранью: неужели же наша публика признала его великим национальным поэтом только потому, что его хвалители перекричали его порицателей? Нужно ли говорить, что с первого появления Гоголя на литературное поприще до сей минуты его постоянно преследует одна литературная партия, что самые решительные нападки на него раздавались из журнала, имевшего обширный круг читателей, и доселе раздаются из газеты, тоже пользующейся большим расходом? {23} Неужели же опять необыкновенный и быстрый успех сочинений Гоголя произошел оттого, что, как уверяет одна газета, его

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
(хвалители кричали громче всех? Лермонтов действовал на литературном поприще каких-нибудь четыре года и умер прежде, нежели талант его успел вполне развернуться, а между тем, во мнении публики, он еще при жизни своей стал в ряду первоклассных знаменитостей русской литературы: неужели и это опять дело литературной партии? А публика тут что же? Какая, подумаешь, сговорчивая публика! Но почему же наши противники с обеих сторон не могли уверить ее ни в ничтожности прославляемых нами литературных имен, ни в великости талантов и заслуг писателей своих партий? Ведь если дело пойдет на громкость голоса, резкость выражений и решительность приговоров, наши противники едва ли уступят нам в этом, но, вероятно, еще и далеко превзойдут нас... Но риторическая школа, нападая на натуральную, по крайней мере противопоставляет, хотя и без успеха, ее писателям и произведениям – своих писателей и свои произведения; но господа славянофилы не могут сделать и этого. А между тем самым простым, законным, справедливым и действительным средством уничтожить натуральную школу и дать настоящее направление вкусу публики было бы для них – противопоставить ее писателям своих писателей, ее произведениям – свои произведения... Что же мешает им сделать это? Они, впрочем, это и делают время от времени, понемножку и помаленьку: то напечатают повесть, которой никто, кроме их, читать не может и не хочет, то стихотворение вроде «светика-луны», в народном тоне которого виден барин, неловко костюмировавшийся крестьянином... Бедные!

Но мы еще не упомянули о самой главной, самой тяжелой вине, которая, по мнению критика «Москвитянина», лежит на натуральной школе. Дело – видите ли – в том, что «она не обнаружила никакого сочувствия к народу и так же легкомысленно клеветает на него, как и на общество»!.. Вот уж этого-то обвинения мы, признаться, не ожидали от гг. славянофилов, хотя и многого другого ожидали от них! Но защищать против него натуральную школу мы не намерены, по крайней мере серьезно, потому что видим в нем даже не клевету, а просто нелепость. Это все равно, как если бы славянофилов обвинять в исключительной любви к Западу и ненависти ко всему, что носит на себе славянский характер. В этом случае, мы искренно жалеем о критике «Москвитянина», что он не позаботился подкрепить ссылками на сочинения натуральной школы, и даже выписками из них, такое важное, уж не в литературном, а в нравственном отношении, обвинение, выставленное в дурном свете не талант, а сердце его противников, оскорбляющее уже не самолюбие, а их достоинство... Да, такой со стороны его необдуманый поступок возбуждает в нас искреннее к нему сожаление...

Положение натуральной школы между двумя неприязненными ей партиями поистине странно: от одной она должна защищать Гоголя, и от обеих – самое себя; одна нападает на нее за симпатию к простому народу, другая нападает на нее за отсутствие к нему всякого сочувствия... Оставим в стороне разглагольствования критика «Москвитянина» о народе, который, по его мнению, «сохранил в себе какое-то здоровое сознание равновесия между субъективными требованиями и правами действительности, сознание, заглушенное в нас односторонним развитием личности», и предоставим ему самому разгадать таинственный смысл его собственных слов; а сами заметим только, что враги натуральной школы отличаются между прочим удивительною скромностию в отношении к самим себе и удивительною готовностью отдавать должную справедливость даже своим противникам. Недавно один из них, г. Хомяков, с редкою в наш хитрый и осторожный век наивностию, объявил печатно, что в нем чувство любви к отечеству «невольное и природное», а у его противников – «приобретенное волею и рассудком, так сказать, наживное» («Московский сборник», 1847, стр. 356). А вот теперь г. М... З... К... объявляет, в пользу себя и своего литературного прихода, монополию на симпатию к простому народу! Откуда взялись у этих господ притязания на исключительное обладание всеми этими добродетелями? Где, когда, какими книгами, сочинениями, статьями доказали они, что они больше других знают и любят русский народ? Все, что делалось литераторами для споспешествования развитию первоначальной образованности между народом, делалось не ими. Укажем на «Сельское чтение», издаваемое князем Одоевским и г. Заблочким: там есть труды г. Даля, князя Одоевского, графа Соллогуба и других литераторов, но ни одного из славянофилов. Знаем, что гг. славянофилы смотрят на это издание (почему-то очень не ласково, и не высоко ценят его; но не будем здесь спорить с ними о том, хороша или дурна эта книжка: пусть она и дурна, да дело в том, что литературная партия, на которую они так нападают, сделала что могла для народа и тем показала свое желание быть ему полезною; а они, славянофилы, ничего не сделали для него. И почему думает критик «Москвитянина», что писатели натуральной школы не знают народа? Сошлемся в особенностях на того же Даля, о котором мы уже упоминали: из его сочинений видно, что он на Руси человек бывалый; воспоминания и рассказы его относятся и к западу

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru и к востоку, и к северу и к югу, и к границам и к центру России; изо всех наших (писателей, не исключая и Гоголя, он особенное внимание обращает на простой народ, и видно, что он долго и с участием изучал его, знает его быт до малейших подробностей, знает, чем владимирский крестьянин отличается от тверского, и в отношении к оттенкам нравов и в отношении к способам жизни и промыслам. Читая его ловкие, резкие, теплые типические очерки русского простонародья, многому от души смеешься, о многом от души жалеешь, но всегда любишь в них простой наш народ, потому что всегда получаешь о нем самое выгодное для него понятие. И публика после этого поверит какому-нибудь г. М... З... К... в продолжение двух почти лет прогарцевавшему в литературе двумя статьями, что такой писатель, как г. Даль, меньше его знает и любит русский народ или что он выставляет его в карикатуре?.. Не думаем! Нападая на г. Григоровича за злостное будто бы представление крестьянских нравов в его повести «Деревня», критик «Москвитянина» не забыл заметить, что лицо Акулины очерчено риторически и лишено естественности; а что в самой неудавшейся попытке автора повести показать глубокую натуру в загнанном лице его героини видна его симпатия и любовь к простому народу, – об этом он забыл упомянуть, вероятно, по избытку беспристрастия и справедливости...

Приступая к статье г. Белинского, критик «Москвитянина» почел нужным отрекомендовать его публике не только со стороны его литературной деятельности, но и со стороны характера. «Г. Белинский (говорит он) составляет совершенную противоположность г. Никитенко. Он почти никогда не является самим собою и редко пишет по свободному внушению. Совсе не чуждый эстетического чувства (чему, доказательством служат особенно прежние статьи его), он как будто пренебрегает им и, обладая собственным капиталом, постоянно живет в долг. С тех пор как он явился на поприще критики, он был всегда под влиянием чужой мысли. Несчастливая восприимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отречься скоро и решительно от вчерашнего образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей, держала его в какой-то постоянной тревоге, которая обратилась, наконец, в нормальное состояние и помешала развитию его способностей». Не знаем, из какого источника почерпнул критик «Москвитянина» эти любопытные сведения о г. Белинском, но только не из его сочинений; всего вероятнее, что из сплетен, развозимых заезжими посетителями, о которых он упоминает в начале своей статьи. Оттого и суждение его о г. Белинском не имеет ничего общего с литературным отзывом. Если бы он обратился к настоящему источнику, то есть к статьям г. Белинского, то едва ли бы нашел там подтверждение тому, что говорит он о нем. Поверить ему, так во всей литературной деятельности г. Белинского нет никакого единства, что сегодня он говорит одно, завтра другое! Это едва ли справедливо. По крайней мере г. Белинскому не раз случалось читать на себя нападки своих противников за излишнее постоянство в главных пунктах его убеждений касательно многих предметов. Вот уж сколько, например, времени, как он говорит о славянофилах одно и то же и может положительно ручаться за себя, что никогда не изменится в этом отношении. Он глубоко убежден, что критик «Москвитянина» человек вполне самостоятельный и родился уже готовым славянофилом, а не сделался им вследствие несчастной восприимчивости и таковой же способности понимать легко и поверхностно, и что ничто не помешало развитию его способностей, с таким блеском обнаруженных им при защите славянофильства. Да, г. Белинский охотно уступает ему и самобытность и глубину понимания, особенно предметов, недоступных разумению других, например, того, что Гоголь сделался живописцем пошлости вследствие личной потребности внутреннего очищения; словом, г. Белинский охотно уступает своему противнику все, что он у него отнял; но, к величайшему своему прискорбию, взамен этого никак не может признать в нем того, что он так великодушно, хотя и вовсе непоследовательно, признал в нем, то есть эстетического чувства. Г. Белинский признает вполне оригинальность, глубину и силу мистического воззрения в суждении критика «Москвитянина» о Гоголе; но никак не может сказать того же о его эстетическом воззрении на Гоголя и на натуральную школу. Г. Белинскому странно только, что его противник мог найти в нем эстетическое чувство, когда, вслед за тем же, он говорит, что он, г. Белинский, был всегда под чужою мыслию с тех пор, как явился на поприще критики. Да зачем же эстетическое чувство тому, кто определяет достоинство изящных произведений, с чужого голоса, кто чужою мысли не умеет провести через себя самого и претворить ее в свою собственную? И как в критиках такого человека заметить эстетическое чувство? Далее критик «Москвитянина» обвиняет г. Белинского в отсутствии терпимости, справедливо приписывая это его привычке мыслить чужим образом мыслей. Г. Белинский, с своей стороны, видит несомненное доказательство мыслительной самобытности г. М... З... К... в его терпимости, которую так умиленно обнаружил он при суждении о натуральной школе и о своих противниках, гг.

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Кавелине и Белинском. Что же касается до того, что г. М... З... К... осудил г. Белинского на вечную неразвитость способностей, – г. Белинский нисколько не удивляется благородной умеренности и изящной вежливости такого о нем отзыва: ему уже не в первый раз встречать подобные против себя выходки в «Москвитянине». Чего там не писали о нем? И что он ничему не учился, ни о чем не имеет понятия, не знает ни одного иностранного языка и т. п. В начале прошлого года г. Белинский собирался издать огромный литературный сборник; об этом намерении слегка было намекнуто, в числе других литературных слухов, в «Отечественных записках». И что же? – в «Москвитянине» вслед за тем было напечатано, что в Петербурге издается огромный альманах, с картинками, с цыганскими хорами и плясками и т. д. Тут, впрочем, нечему и удивляться: в подобных выходках гг. славянофилы не более как верны началу своего учения, то есть следуют тем неиспорченным влиянием лукавого Запада нравам, которым они так удивляются и которые, к их сожалению, давно уже исчезли на Руси, но которые, при их помощи, будем надеяться, еще воротятся к нам... Но пока г. Белинский не видит никакой нужды горячо спорить за себя с такими противниками или прибегать в споре к их средствам. Да и к чему? Публика и сама сумеет увидеть разницу между человеком, у которого литературная деятельность была призванием, страстью, который никогда не отделял своего убеждения от своих интересов, который, руководствуясь врожденным инстинктом истины, имел больше влияния на общественное мнение, чем многие из его действительно ученых противников, {24} – и между каким-нибудь баричем, который изучал народ через своего камердинера и думает, что любит его больше других, потому что сочинил или принял на веру готовую о нем мистическую теорию, который, между служебными и светскими обязанностями, занимается также и литературою в качестве дилетанта и из году в год высиживает по статье, имея вдоволь времени показаться в ней умным, ученым и, пожалуй, талантливый... В наше время талант сам по себе не редкость; но он всегда был и будет редкостью в соединении с страстным убеждением, с страстною деятельностью, потому что только тогда может он быть действительно полезен обществу. Что касается до вопроса, сообразна ли с способностью страстного, глубокого убеждения способность изменять его, он давно решен для всех тех, кто любит истину больше себя и всегда готов жертвовать ей своим самолюбием, откровенно признаваясь, что он, как и другие, может ошибаться и заблуждаться. Для того же, чтоб верно судить, легко ли отделялся такой человек от убеждений, которые уже не удовлетворяли его, и переходил к новым, или это всегда бывало для него болезненным процессом, стоило ему горьких разочарований, тяжелых сомнений, мучительной тоски, для того, чтобы судить об этом, прежде всего надо быть уверенным в своем беспристрастии и добросовестности... Говоря выше о Гоголе и натуральной школе, мы ответили на большую часть возражений критика «Москвитянина» на статью г. Белинского, особенно виноватого, в его глазах, за хорошее мнение о натуральной школе. Это-то критик наш и называет «односторонностью и теснотою образа мыслей», составляющих второй пункт его обвинительного против «Современника» акта. В сущности, эта односторонность и теснота образа мыслей есть самобытный, независимый от славянофильства взгляд на литературу. Третье и последнее обвинение против нас, в статье «Москвитянина», состоит в искажении нами образа мыслей гг. славянофилов. Может быть, мы и действительно не совсем верно излагали их образ мыслей и приписывали им иногда такие мнения, которые им не принадлежат, и умалчивали о таких, которые составляют основу их учения. Но кто же в этом виноват? Конечно не мы, а сами гг. славянофилы. До сих пор ни один из них не потрудился изложить основных начал славянофильского учения, показать, чем оно разнится от известных воззрений. Вместо этого у них одни

Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.

Доселе их образ мыслей проглядывает только в симпатиях и антипатиях к тем или другим литературным произведениям и лицам. Кроме того, они беспрестанно противоречат самим себе, так что можно подумать, что у них столько же мнений, сколько и лиц. Можно указать на выходки, разбросанные там и сям, против европеизма, цивилизации, необходимости образования и грамотности для простого народа, против реформы Петра Великого, современных нравов, какие-то темные намеки, что русскому обществу надо воротиться назад и снова начать свое самобытное развитие с той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться с народом, который будто бы сохранил в чистоте древние славянские нравы и нисколько не изменился в продолжение веков. Все это, может быть, и заслуживает по крайней мере быть выслушанным; но для этого сперва должно быть высказанным. Г. Белинский в статье своей, в первой книжке «Современника», сказал, что явление славянофильства есть факт, замечательный до известной степени, как протест против безусловной подражательности и как свидетельство потребности русского

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru общества в самостоятельном развитии. В подобном отзыве не могло быть ничего оскорбительного для гг. славянофилов. Напротив, он давал им удобный случай объясниться с своими противниками, изложив им свое учение и показав им, в чем и где именно они понимают его неверно. Но гг. славянофилы поступили иначе. Как люди, не привыкшие к благосклонным о себе отзывам со стороны не принадлежащих к ним литературных партий, они до того обрадовались отзыву г. Белинского, что начали смотреть на всех своих противников, как на разбитое в прах войско, а на себя – как на великих победителей. Вот что называется – не давши сражения, торжествовать победу! Вместо того чтобы объяснить свой образ мыслей, они с ожесточением начали нападать на чужие мнения. Скажите, легко ли после этого судить верно о таком образе мыслей?

Давно уже замечена за гг. славянофилами замашка – основывать важность своего учения на таких фактах, которые или вовсе не существуют, или доказывают совсем противное. Мы сейчас представим доказательство этого из статьи г. М... З... К..., где между прочим выдается за несомненную истину, будто бы «на красноречивый голос Мицкевича взоры многих, в том числе и Жоржа Санда, обратились к славянскому миру, который понят ими как мир общины, и обратились не с одним любопытством, а с каким-то участием и ожиданием». Эта оригинальная выходка снабжена выноской, в которой говорится об известном сочинении Жоржа Санда – «Жишка» или «Зишка». Все это, по мнению критика «Москвитянина», значит ни больше ни меньше, как то, что Европа ужасно как занята так называемым славянским вопросом; а по нашему мнению, все это ровно ничего не значит. Если Санд избрала предметом своего сочинения гусситскую войну, это могло произойти без всякого отношения к важности или неважности славянского вопроса, а напротив, именно оттого, что гусситская война – событие чисто европейское, западное, католическое; славянского тут только национальное происхождение действующих лиц да бесплодный для них исход героической, впрочем, борьбы. Когда дело реформы взяло на себя германское племя, реформа восторжествовала над католицизмом. Что касается до Мицкевича, его действительно красноречивый, хотя и сумасбродный, голос точно обратил к себе на некоторое время внимание парижан, жадных до новостей; но к славянскому вопросу все-таки не возбудил никакого участия. Известно, что французское правительство принуждено было запретить Мицкевичу публичные чтения, но не за их направление, нисколько не опасное для него, а чтобы прекратить сцены, не согласные с общественным приличием. {25} Надо сказать, что в Париже есть некто г. Товьянский, выдающий себя за пророка и чудотворца, который призван, когда настанет время, устроить к лучшему дела сего мира. Мицкевич уверовал в этого шарлатана, что доказывает, что у него натура страстная и увлекающаяся, воображение пылкое и склонное к мистицизму, но голова слабая. Отсюда учение его носит название мессианизма или товьянизма, и ему следуют несколько десятков человек из поляков. Когда раз на лекции Мицкевич в фанатическом вдохновении спрашивал своих слушателей, верят ли они новому мессии, какая-то восторженная женщина бросилась к его ногам, рыдая и восклицая: верю, учитель! Вот случай, по которому прекращены лекции Мицкевича, и о них теперь вовсе забыли в Париже. Вообще в Европе мало заботятся о чужих вопросах и чужих делах, потому что у всех много своих и все заняты ими. Это особенно относится к французам; для них все другие страны существуют только по отношению к Франции. Может быть, поэтому в их журналах можно находить более или менее верные известия только об Англии, Испании и Италии: они к ним ближе и больше связаны с ними политически. Говорят в Париже и о России, но отнюдь не потому, что это славянская земля, а потому, что это великое и могущественное государство, с огромным влиянием в сфере европейской политики.

И вот на каких фактах славянофилы основывают важность своего учения! Но вот еще пример, как трудно, как невозможно понимать их. Г. Кавелин сказал, что на новгородском вече «дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то неопределенно, сообща». Эти слова объясняются целым взглядом г. Кавелина на новгородскую общину, как чуждую всякого прочного основания и потому не способную развиться ни в какую государственную форму. Г. М... З... К... возражает на это, что в Новгороде было двоевластие и что идеал новгородского быта можно определить, как согласие князя с вече. Этим он хочет указать на особенности славянского общинного начала, составляющего краеугольный камень славянофильства. Но из его слов видно, что особенного и оригинального в этом быте ничего не было, что он отзывается карикатурой на нынешние конституционные монархии, основа которых – двоевластие, а идеал – согласие короля с палатой. Критик «Москвитянина» прибавляет, что редкие минуты этого согласия князя с вече представляют апогей новгородского быта, но признается, что оно осуществлялось только иногда, и то не надолго. Что ж тут было особенно любовного, согласного,

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
общинного по любимому выражению славянофилов? В возражение на слова господина Кавелина критик «Москвитянина» замечает, что способ решения по большинству запечатлевает распадение общества на большинство и меньшинство и разложение общинного начала; вече, выражение его (общинного начала), нужно именно для того, чтобы примирить противоположности, цель его – вынести и спасти единство; от этого вече обыкновенно оканчивается в летописях формулой: «снидошася вси в любовь». Скажите, бога ради, есть ли, может ли быть в каком бы то ни было совещательном правлении другой способ решения вопросов, кроме как по большинству голосов? Утверждать это – значит смеяться над здравым смыслом. Что на новгородском вече случалось бывать единодушному решению вопросов, без всякого противоречащего меньшинства, – это не диво; это случается, даже не редко, и в представительных камерах конституционных государств нашего времени; тем чаще это могло случаться в массе народа, везде наклонного к мгновенному единодушному увлечению и порыву, как в добре, так и в зле. Также часто могло случаться, что меньшинство являлось слишком ничтожным, чтобы спорить с большинством, и часто соглашалось с ним – не по убеждению, а из опасения хлебнуть волховской водицы. Известно, что в случае разделения мнений на половины равные или почти равные, бывали драки и побоища, доставлявшие Волхову обильную добычу; которая сторона побеждала, та и решала вопрос. И потому его решение все-таки всегда зависело от большинства, или по крайней мере от перевеса физической силы. Но г. Кавелин был прав, сказавши, что дела решались на вече не по большинству голосов: он хотел этим указать на отсутствие баллотировки или другой какой-нибудь постоянной, неизменной, коренным законом определенной формы для обнаружения большинства, а потому и прибавил: «а как-то совершенно неопределенно, сообща», то есть бестолково и нелепо, как прилично общине чисто Патриархальной, совершенно чуждой юридического элемента. И такие общины были совсем не у одних славянских племен, как уверяют гг. славянофилы, а были и у всех племен и народов в патриархальном состоянии, даже и у дикарей; да только нигде они не развились, во многих местах не удержались. И у кельтских племен были эти общины, ибо они управлялись собраниями народа и советами старцев, жрецов и т. д.; но только германские народы развили общинное начало, потому что внесли в него юридическое начало, как главное и преобладающее.

А между тем общинный быт славянских племен – краеугольный камень славянофильства; по крайней мере он не сходит у них с языка, и ему назначили они свидетельствовать в пользу любовности, как общественной стихии, отличающей славянские племена от всех других. Но не значит ли это – основывать свое учение именно на тех фактах, которые особенно противоречат ему? Как же вы хотите, чтобы такое учение понимали и чтобы, говоря о нем, не впадали в противоречия? И потому г. Белинский охотно признает, что он изложил основания славянофильства неверно и противоречиво и не будет защищаться от возражений своего противника по этому вопросу, тем более что эти возражения не подвинули его, г. Белинского, ни на шаг вперед по части понимания славянофильства, а напротив, повергли его еще в большее прежнего недоразумение насчет этого таинственного учения. Он не станет спорить с гг. славянофилами даже и в таком случае, если они скажут ему, что он ошибся и впал в противоречие, назвавши славянофильство заслуживающим внимания и имеющим какой-нибудь смысл явлением, но охотно согласится с ним и в этом, по личной потребности внутреннего очищения... Да и как спорить с славянофилами о чем бы то ни было, возражать им против чего бы то ни было или защищаться против них в чем бы то ни было, когда они, как кажется, окончательно порешили, что их учение несомненнее самой несомненной книги восточных народов, что все несогласное с ним есть оскорбление истины и нравственного чувства? Просим наших читателей вспомнить, что наговорил критик «Москвитянина» на натуральную школу; нашел ли он в ней хоть что-нибудь хорошее, что находят в ней иногда, хотя и не искренно, а ради приличия, даже риторические враги ее? Еще раз: как спорить с людьми, которым, во что бы то ни стало, нужно оправдать свою систему и которые поэтому не уважают даже фактов? Г. Белинский, например, сказал: «Известно, что в глазах Карамзина Иоанн III был выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой: вот источник славянофильства». Говоря так, он имел в виду не одну историю Карамзина, но и рукописный его обзор древней и новой истории России, известный многим. {26} Критик «Москвитянина», выписывая из VI тома истории Карамзина параллель между Иоанном III и Петром Великим, сам соглашается, что здесь действительно проглядывает предпочтение в пользу Иоанна; а потом как-то выводит, что г. Белинский взвел на Карамзина небылицу.

Мы ответили критику «Москвитянина» на все три его обвинительные против «Современника» пункта. Читатели видели, как важны и действительны противоречия между статьей г. Никитенко и статьей г. Белинского, равно как и помещаемыми в

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

нашем журнале произведениями натуральной школы. Что касается до второго пункта, то есть до односторонности и Тесноты образа мыслей «Современника», – ясно как день, что они заключаются в нашем несогласии с основаниями славянофильства, в том, что мы никак не можем принять за аксиому предположения, – будто европейский быт ложен своим основанием отрицания крайностей, – что мы не можем отделить Гоголя от натуральной школы иначе, как только на основании неоспоримого превосходства его таланта, а отнюдь не на том темном и непонятном для нас основании, будто он сделался живописцем пошлости по личному требованию внутреннего очищения, – что мы не можем ненавидеть и преследовать натуральную школу, взводя на нее разные небылицы и обращая против нее то, что составляет ее существенное достоинство, то есть симпатию к человеку во всяком состоянии и звании, за то только, что она не поняла личной потребности внутреннего очищения. Но фанатизм последователей. какого-нибудь учения доказывает не его истинность, а только его односторонность, исключительность и часто совершенную ложность. А как судят гг. славянофилы об изящных произведениях, например? Для них тут все дело в направлении: согласно оно с их направлением, так в произведении есть талант; не согласно – оно чистейшая бездарность. Вот из тысячи примеров один. Г. Тургенев у «Москвитянина» и у «Московского сборника» постоянно находился в разряде бездарных писак, особенно за его стихотворный физиологический очерк: «Помещик». Но вот «Московскому сборнику» показалось почему-то, что в своем рассказе охотника «Хорь и Калиныч» г. Тургенев совпал с славянофилами в понятии о простом народе, – и за это г. Тургенев тотчас же и торжественно произведен «Московским сборником» из бездарностей в талант, а рассказ его назван – шутка ли! – превосходным. Да неужели же талант писателя прежде всего не в его натуре, не в его голове, а всегда только в его направлении? Неужели сочинение не может в одно и то же время отличаться и талантом и ложным направлением? Мы не думаем, чтобы гг. славянофилы не знали этого; но они с умыслом закрывают глаза на эту истину, с умыслом держатся этой (говоря словами г. М... З... К... «клеветы на действительность, в смысле преувеличения темных ее сторон, допущенной для поощрения к совершенствованию», то есть к переходу в славянофильство; но (скажем опять словами того же г. М... З... К...) «никто не вправе заподозреть намерения; мы верим, что оно чисто и благородно, но средство не годится, и путь слишком хитер», то есть слишком отзывается детством. Но по крайней мере «Московский сборник» обнаружил похвальную готовность похвалить хорошее в писателе противной стороны, хотя и (по-своему объяснил это внезапное и неожиданное им явление хорошего у писателя, который, по его мнению, до тех пор писал только дурное. Вот его собственные слова по этому предмету: «Вот что значит прикоснуться к земле и к народу: вмиг дается сила! Пока г. Тургенев толковал о своих скучных любвях да разных апатиях, о своем эгоизме, все выходило вяло и бесталанно; но он прикоснулся к народу, (прикоснулся к нему с участием и сочувствием, и посмотрите, как хорош его рассказ! Талант, таившийся в сочинителе (а!), скрывавшийся во все время, пока он силился уверить других и себя в отвлеченных и потому небывалых состояниях души, этот талант вмиг обнаружился и как сильно и прекрасно, когда он заговорил о другом. Все отдадут ему справедливость: по крайней мере мы спешим сделать это. Дай бог г. Тургеневу продолжать по этой дороге!» Почему же г. М... З... К... не заметил этого: ведь рассказ «Хорь и Калиныч» напечатан в первой же книжке «Современника», в которой напечатаны и разбираемые им статьи? Ясно, что или он боялся это сделать, чтобы его нападки на натуральную школу, в его же собственных глазах, не обратились в совершенную ложь, или что два славянофила не могут говорить об одном и том же предмете, не противореча друг другу. Как же после этого требовать от других, чтобы они верно судили о таком учении, в котором еще не успели согласиться сами его последователи? Вот когда они сами вникнут хорошо и основательно в то, что выдают за начало всякой премудрости, да ясно и определенно изложат свое учение, – тогда их будут слушать, не станут приписывать им того, чего они не говорили и, может быть, не соглашаясь с ними вполне, охотно отдадут справедливость тому, что есть хорошего и справедливого в их образе мыслей. Но для этого им нужно больше говорить о себе, чем о других, больше доказывать свои положения, чем опровергать чужие, потом выражаться насчет своих противников повежливее, с большим достоинством и вообще не ограничиваться одними общими отвлеченными рассуждениями о любви и смирении, но проявлять их в действии. Любовь и смирение, бесспорно, прекрасные добродетели на деле; но на словах они стоят не больше всякой другой болтовни.

Примечания

Статья сильно искажена цензурой. Даем по тексту издания Солдатенкова и Щепкина (т. XI), в котором она воспроизведена по недошедшей до нас рукописи Белинского.

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Статья явилась ответом на выпад против «Современника» в органе славянофилов «Москвитянин», в котором Ю. Самарин (М... З... К...) поместил резкую статью под названием «О мнениях «Современника», исторических и литературных» («Москвитянин», 1847, ч. 2). Самарин подверг критике статью Белинского «Русская литература за 1846 год», напечатанную в № 1 «Современника» за 1847 год, а также статьи – А. В. Никитенко «О современном направлении русской литературы» и К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России». Кавелин доказывал неизбежность разложения древней русской общины и тем самым подрывал самые устои славянофильской доктрины об «особом» историческом пути России. Неудивительно, что статья Кавелина подверглась критике на страницах «Москвитянина». Однако особенно резко отзывается Самарин о Белинском, давнем и непримиримом противнике славянофильства. Все свои упреки Самарин формулирует следующим образом: «...новый журнал подлежит трем важным обвинениям: во-первых, в отсутствии единства направления и согласия с самим собою; во-вторых, в односторонности и тесноте своего образа мыслей; в-третьих, в искажении образа мыслей противников» (стр. 135). Вздорность двух последних обвинений была очевидна, и поэтому Белинский на них не задерживался в своем «Ответе». В отношении же первого, и самого важного, обвинения Белинский поставил вопрос: как понимать «единство» и «согласие»?

Белинский в данном случае рассматривает Никитенко временным «попутчиком» натуральной школы.

«Ответ «Москвитянину» является одной из самых важных статей Белинского и ярким документом идейной борьбы 40-х годов. Она замыкает собой длинный ряд ожесточенных схваток Белинского с славянофилами.

В статье, как уже было сказано, масса цензурных искажений. Белинский об этом писал В. П. Боткину 4–8 ноября 1847 года: «Мою статью страшно ошельмовали. Горше всего то, что совершенно произвольно. Выкинуто о Мицкевиче, о шапке мурмолке, а мелких фраз, строк – без числа. Но об этом я еще буду писать к тебе, потому что это меня довело до отчаяния и я выдержал несколько тяжелых дней» («Письма», т. III, стр. 287). Затем в письме к П. В. Анненкову от 20 ноября 1847 года и к К. Д. Кавелину от 22 ноября 1847 года Белинский писал: «Кстати о статье. Я уже писал к Боткину, что она искажена цензурой варварски и что всего обиднее – совершенно произвольно. Вот вам два примера. Я говорю о себе, что, опираясь на инстинкт истины, я имею на общественное мнение большее влияние, чем многие из моих действительно ученых противников: подчеркнутые слова не пропущены, а для них-то и вся фраза составлена. Я метил на ученых ослос – Надеждина и Шевырева. Самарин говорит, что согласие князя с вечем было идеалом новгородского правления. Я возразил ему на это, что и теперь, в конституционных государствах, согласие короля с палатой есть осуществление идеала их государственного устройства: где же особенность новгородского правления? Это вычеркнуто. Целое место о Мицкевиче и о том, что Европа и не думает о славянофилах, тоже вычеркнуто. От этих помарок статья лишилась своей ровности и внутренней диалектической полноты» («Письма», т. III, стр. 298–299).

В издании Солдатенкова и Щепкина эти купюры восстановлены.

Сноски

1

Без пощады. – Ред.

2

«Товарищ в поездках по Франции». – Ред.

Комментарии

1

Осенью 1846 года Н. А. Некрасов и И. И. Панаев купили у П. А. Плетнева право на издание «Современника» (нотариальное оформление от 23 октября). «Современник» был основан в 1836 году А. С. Пушкиным. После его смерти журнал перешел к его друзьям; редактором был П. А. Плетнев. Журнал влачил жалкое существование. Для

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Некрасова и Панаева он был истинной находкой. Панаев писал Н. Х. Кетчеру в Москву 26 сентября 1846 года: «Я купил у Плетнева журнал. Кажется, лучше этого быть ничего не может. Журнал не запачканный, глухо и неслышно тянувший свое существование и носящий такое удивительное имя!..» Под новой редакцией и при идейном руководстве Белинского журнал совершенно переродился. В 1847–1848 годах и затем в 60-е годы он был самым передовым журналом в России.

2

Второй статьей – был ответ К. Д. Кавелина в «Современнике», 1847, т. VI, № 12, отд. III, стр. 110–134.

3

Официальным редактором «Современника» (и в сущности его «внутренним» цензором) был А. В. Никитенко. Панаев писал об этом Н. Х. Кетчеру: «Ответственным перед правительством редактором взялся быть Никитенко, – это важно. Без такой гарантии нельзя было в настоящую минуту и приниматься за это дело».

4

У Самарина: «Может быть мы ошибаемся», то есть без «и» (стр. 135).

5

Из басни И. А. Крылова «Музыканты».

6

Белинский имел в виду «Беседу любителей российской словесности» (1811–1816) во главе с адмиралом А. С. Шишковым. «Шишковистам» противостояло литературное общество «Арзамас» (1815–1818), состоявшее из последователей Карамзина. Участник общества, поэт К. Н. Батюшков, высмеял «шишковистов» в сатире «Видение на берегах Леты», в которой впервые употребил термин «славянофил».

7

«Стихотворения Василия Пушкина». Спб., 1822, стр. 8–9. Белинский мог пользоваться также и посмертным изданием 1835 года.

8

В Москве проживали многие друзья Белинского: В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, К. Д. Кавелин и др.

9

Упоминаемая Белинским полемика по поводу славянофильства началась в связи с выходом «Сборника исторических и статистических сведений», М. 1845, д. М. Валуева. Сборнику была предпослана вводная статья славянофила А. Хомякова.

В «Отечественных записках» анонимно выступил К. Д. Кавелин и подверг критическому разбору сборник и статью. Хомяков возражал Кавелину. Завязался спор. Т. И. Грановский выступил на стороне Кавелина.

В «Отечественных записках», 1847, № 4, он подверг разбору «Московский литературный и ученый сборник на 1847 г.», издававшийся славянофилами, и в частности историческую концепцию Хомякова, изложенную последним в его статье «О возможности русской художественной школы» в том же сборнике. Хомяков напечатал в «Московском городском листке» (1847, № 86) свое «Возражение на статью г.

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Грановского». Грановский отвечал Хомякову в «Московских ведомостях», 1847, № 50.

10

У Самарина: «и оправдание его сочувствий»).

11

«Родственники» (нравственная повесть) И. И. Панаева была напечатана в №№ 1 и 2 «Современника» за 1847 год.

12

«Искандер» – псевдоним А. И. Герцена. Рассказ И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч» – первый из цикла «Записок охотника» – был напечатан мелким шрифтом в отделе «Смесь» № 1 «Современника» за 1847 год. Он имел большой успех, и следующий рассказ из этого же цикла «Петр Петрович Каратаев» появился уже на видном месте в № 2 «Современника» того же года. В № 5 появились сразу четыре тургеневских рассказа: «Ермолай и Мельничиха», «Мой сосед Радиллов», «Однодворец Овсяников» и «Льгов»; в № 9 еще два рассказа: «Бурмистр» и «Контора». В 1848 году в № 2 было напечатано еще шесть рассказов: «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедеянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник» и «Смерть». Таким образом, при жизни Белинского в «Современнике» было напечатано всего четырнадцать рассказов из цикла «Записок охотника». Белинский иногда варьирует название цикла, называя его «Рассказами охотника».

13

«Кто виноват?» Герцена было издано в качестве приложения к № 1 «Современника» за 1847 год. «Обыкновенная история» Гончарова напечатана в № 3 (стр. 5–158) и № 4 (стр. 241–412) «Современника» за 1847 год. «Из сочинений доктора Крупова» Герцена напечатано в «Современнике», 1847, № 9, стр. 5–30.

14

«Петербургский сборник» вышел в 1846 году (ценз, разр. 12 января 1846).

15

Герои из «нравственно-назидательного» романа Ф. Булгарина «Иван Выжигин» (1829 г.).

16

У Гоголя: «даже черты многих моих приятелей» (стр. 146).

17

Теньер и Рафаэль упоминаются, видимо, под свежим впечатлением от Дрезденской галереи, которую Белинский посетил дважды летом 1847 года во время заграничной поездки.

18

Этот реверанс в сторону правительства, так мало идущий к рассуждениям о сатире, надо полагать, был сделан из чисто цензурных соображений.

19

Ответ «Москвитянину». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Повесть Д. В. Григоровича «Деревня» впервые напечатана в «Отечественных записках», 1846, № 11.

20

«Антон Горемыка» Григоровича напечатан в № 11, стр. 5–118 «Современника» за 1847 год. В том же номере помещен и «Ответ «Москвитянину»».

21

«Двенадцать спящих дев» – баллада В. А. Жуковского.

22

Автор «Тарантаса» В. А. Соллогуб, «Бедных людей» – Ф. М. Достоевский и «Последнего визита» – П. Н. Кудрявцев (псевдоним его «А. Нестроев»).

23

Имеется в виду журнал «Библиотека для чтения» Сенковского и газета «Северная пчела» Булгарина.

24

Замечательная автохарактеристика Белинского. О цензурных искажениях в этой части текста см. в вводной заметке.

25

Адам Мицкевич с 1840 года читал в College de France лекции а славянских литературах. Правительство Гизо удалило из Парижа польского поэта под видом отпуска. Мицкевич был связан с подпольным освободительным движением поляков. Однако, склонный к мистицизму, Мицкевич в одной из лекций, летом 1844 года, развивал теорию о мессианизме поляков, о том, что они богом избраны для обновления христианства и пр. Именно эту сторону дела и подчеркивает Белинский, касаясь Мицкевича в своем споре с славянофилами.

26 Белинский имеет в виду записку Н. М. Карамзина «О древней и новой России», поданную Александру I в 1810 году. Записка была составлена в ультрамонархическом тоне.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiytyodor.ru/> Приятного чтения!